

В.Г. ГУСАКОВ

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДЕРЕВНЕ, СУДЬБАХ
КРЕСТЬЯНСТВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА,
ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

Минск 2010

УДК 631
ББК 65.9(2)32
Г96

Гусаков, В.Г.

Г96 Развитие о деревне, судьбах крестьянства и предпринимательства, перспективах развития белорусского сельского хозяйства / В.Г. Гусаков. – Минск: Ин-т системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2010. – 68 с.
ISBN 978-985-6925-38-5.

Развитие белорусского аграрного сектора представлено в трех составляющих частях – рассмотрении сути и особенностей деревни и сельских жителей, истории и последствий массовых преобразований сельского уклада на принципах коллективизации и обобществления имущества, а также перспектив современной динамики в сфере АПК. Особый интерес вызывает вторая часть трилогии, где объективно, без ретуши, сделана попытка показать драматический путь белорусского крестьянства в ходе массовых экспериментов по насильственной ликвидации мелкого частнособственнического уклада и административному насаждению крупных товарных обезличенных хозяйств, в результате чего были практически утрачены такие жизненно необходимые качества крестьян, как предпринимательство, личная заинтересованность в производительном труде, прямая ответственность за результаты и др.

Для массового читателя, интересующегося историей и перспективами развития белорусского сельского хозяйства.

Авторская редакция сохранена.

УДК 631

ББК 65.9(2)32

ISBN 978-985-6925-38-5

© Гусаков В.Г., 2010
© Оформление. Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2010

I часть. ДЕРЕВНЯ И БЕЛОРУСЫ: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

Деревня. Как много в этом слове. Оно имеет многоаспектный смысл. Не стоит принимать во внимание то уничижительное упоминание деревни, когда в отдельных случаях пытаются унижить сельского жителя якобы его "недостойным" происхождением. А подлинный смысл, который восходит к самим истокам эксклюзивности народной культуры, исторических традиций крестьянства и построения самой государственности. Деревня в понятии образованного человека – это все: и традиционное поселение с его веками выношенной архитектурой, и народные обряды, и песни с их своеобразной колоритностью и таинственностью, и народные промыслы с их неповторимыми местными особенностями, и сельский образ жизни с его размеренностью и самобытностью, и живописнейший пейзаж с его лугами, полями, лесами и реками, и, конечно, сельское хозяйство с его стадами, сенокосами, хлебными нивами. Деревня – это теснейшая связь человека с природой, окружающей средой, где все – от жилья до производственной постройки – привязано к местному ландшафту, где свободно и легко действиям и мыслям. Это еще и особый образ поведения людей, взаимоотношений между собой и с окружающим миром, где все пропитано доброжелательностью, искренностью, непосредственностью. Это своеобразный дух, наполненный душевностью и простотой, который описать и передать полностью невозможно, его можно лишь почувствовать, ощутить.

Да, деревня – это все. Это – малая и большая родина. Это близкий каждому кусочек земли и территории, который обладает какой-то магией притяжения, непередаваемой энергетикой и привлекательностью, и который западает в сердце и душу на всю жизнь. Кто родился и вырос в деревне, тот не может стать по-настоящему горожанином, всю жизнь он носит в душе этот уголок родной земли.

Любовь к деревне и к городу – это два разных чувства. Город нельзя любить как деревню. Город не дает всей той гаммы естественных чувств и эмоций как деревня. В городе люди какие-то от-

даленные друг от друга, эгоистичные, замкнутые, хотя постоянно находятся в огромном окружении. В деревне же – мягкие, бесхитростные, открытые, хотя и живут в общем-то в однородном пространстве, одновременно – и обособленно, и коллективно. Как-то всегда неподдельно жаль городских людей и особенно детей. Городские – беззаботные, неприспособленные к жизни, инфантильные, обделенные по сравнению с деревенскими преимуществами полной свободы и чистой природы, напоенной своеобразным ароматом деревенского воздуха, бесконечного простора, луговых трав и цветов. Именно поэтому в деревне рождались и рождаются признанные таланты, многие, если не большинство, известные личности в различных сферах творческой деятельности – выходцы из деревни.

Часто, говоря о происхождении той или иной личности, обычно интересуются, где находятся "корни" этого человека. И по большому счету, если уточняют где его "корни", то это в первую очередь имеются в виду деревенские "корни" или все то, что связано у него и его предков с конкретной деревней, землей, местностью. "Корни" меньше всего ассоциируются с городским происхождением.

Более того, как только возникает необходимость подчеркнуть свою родовую сущность, то говорим, прежде всего, о конкретной местности, о своем регионе, о своей земле. О том, что мы родом из деревни, у каждого есть своя малая родина. Землячество часто признается на уровне родни, особенно вдалеке от малой родины. Благодаря этому национальная родовая сущность не выглядит абстракцией. Именно с деревней связан национальный характер народа.

Городская жизнь, несмотря на все ее достоинства, а здесь, как известно, сконцентрированы основные образовательные и научные центры, не может дать тех нравственных качеств и естественных знаний, которые закладываются в деревне с детства и юности. Родившись и воспитываясь в среде природы, каждый человек приобретает неповторимые свойства характера, которые не только несут в себе специфику сельского уклада, но обладают способностями быстро и легко усваивать результаты любого прогресса, концентрируемые в городе, например, профессиональные и научные знания. Не секрет, студенты – выходцы из деревни – буквально в непродолжительное время осваивают "городские достоинства", сравнивают со своими сверстниками из города по учебным знаниям и вскоре

даже их превосходят, отличаясь повышенной самоорганизованностью. В то же время городским жителям осваивать сельский образ жизни гораздо сложнее.

Деревня консервативна и в этом ее преимущества. Она смогла сохранить вековые устои, образцы мудрости и таланта. О культуре, развитости и цивилизованности народа судят именно по деревне, по ее способности воспроизводить и поддерживать эту культуру. Город – эклектичен, это лишь более или менее удачное отражение цивилизованности народа, в истоках чего сельская культура. Город вышел из деревни, затем под влиянием определенных обстоятельств стал удаляться и обособливаться от нее, воздвигаться над деревней, давить на сельский уклад. В итоге чисто городская цивилизация в отрыве от народной культуры несет в себе больше отрицательного заряда, чем положительного, и только в преломлении к сельской культуре этот негативный заряд в значительной мере нейтрализуется.

Деревня – источник духовности и истинной народной культуры. Она носитель и хранитель всего лучшего, что отличает народ, общество и государство от других народов. Народные песни, танцы, обряды, промыслы – неисчерпаемый клад таланта, самобытности и мудрости, благодаря чему народ имеет возможность выживать и развиваться. Город никогда не был носителем и источником подлинной культуры. Скорее он является собирателем культурных ценностей народа. Но судя по тому, как он это делает теперь, то нельзя даже сказать, что город является хранителем культуры. Разве эклектика, суб- и попкультура – это образцы культуры народа? Скорее наоборот. Это – то, как не надо делать, пародия на народную культуру. По-прежнему как носителем, так и хранителем истинной народной культуры остается деревня. Жаль только: поколения уходят, деревня модернизируется, исчезают многие старинные ценности и вековые традиции, которые почти не воспроизводятся в подлинном смысле в обновленной деревне.

Деревенские жители, белорусы – особый народ. За многовековую историю, когда пришлось переживать опустошительные войны, нашествия, голод, притеснения, унижения, воспитался специфический характер людей этой местности со свойственными чертами терпимости, гибкости, толерантности и доброты. Именно благодаря этим качествам адаптивности белорусы выживали. А благодаря своему

бесконечному трудолюбию и стремлению к справедливости и независимости сформировались как нация.

Белорусов всегда и везде ценили. Их знали как надежных и добросовестных работников. Кстати, в вынужденные времена миграции молодых белорусов из-за голода и безземелья из царской России принимали на работу в Америке и Канаде как лучших работников. В Советском Союзе Беларусь была одна из самых дружелюбных и бескорыстных республик, к которой в одинаковой мере с уважением относились все народы.

Полагаю, что другого такого народа, как белорусы, нет ни в Европе, ни в мире. Только на этой земле собраны в единстве такие качества, как открытость, дружелюбие, бескорыстие, трудолюбие, умение сопереживать, жертвовать, способность прийти на помощь, поделиться последним. Белорусам свойственны рассудительность, неспешность, основательность. Они толерантны и коммуникабельны. Им чужды такие черты, как агрессивность, враждебность. Беларусь – это страна, где каждый себя чувствует комфортно и уверенно, без опаски за свое настоящее и будущее.

Разные народы имеют многие добродетели, но только в Беларуси в комплексе сконцентрированы лучшие человеческие ценности, что делает этот край особенно привлекательным, неповторимым и уникальным.

Белорусы всегда отличались повышенной трудоспособностью и неподдельным бескорытием. Белорусская деревня во многом сохранилась благодаря устоявшимся традициям взаимопомощи людей. Односельчане, родственники, соседи в обязательном порядке должны были прийти на помощь друг другу в напряженные периоды различных неотложных работ и совершенно бескорыстно.

Вспоминается деревня моих детства и юности, вернее организация в то время сельскохозяйственных работ. 50–70-е годы истекшего века. Все, от мала до велика, заняты нескончаемым трудом. В памяти народа еще были живы сталинские порядки. Но не это подвигало к труду. А неиссякаемое желание вырваться из нужды и иметь лучшую долю. Люди поднимались задолго до зари, управлялись со своим хозяйством, а затем устремлялись на колхозные работы. Ранним утром взрослым и подросткам надо было получить от бригадира разнарядку на очередные работы. Желających было так много,

что устанавливалась очередность. Люди с охотой шли на любые представившиеся работы.

После продолжительного и изнурительного трудового дня в колхозе, который длился обычно до позднего вечера, надо было снова управиться со своим подворьем и готовиться к предстоящему дню. Кроме того, еще ночью многие крестьяне пытались на свой страх и риск сделать запасы сена, соломы и другой продукции. И так изо дня в день. Не считая труда в личном подсобном хозяйстве, каждому взрослому следовало отработать не менее 24–25 дней в месяце на общественных колхозных работах.

Никто не роптал, часов работы не считали. Равнялись по восходу и заходу солнца. Рады были тому, что есть возможность трудиться и что-то заработать. Стремилась иметь как можно больше трудодней. Но за труд довольствовались самым малым.

Бездеятельности и разгильдяйству места не оставалось. Все трудились примерно в одинаковой мере. Отстающих подзуживали сами же односельчане, нерасторопным не давали расслабиться. Работали как правило коллективом. Стоя, например, в шеренге косцов, пропальывая посеы от сорняков или теребя вручную лен, нельзя было ни опережать, ни отставать. Ритм диктовала коллективная организация. Стихийные порядки устанавливались одинаковыми для всех, идти против них было невозможно. Люди опасались прослыть бездельниками, огласки плохо выполненной работы. Непроизвольно стремились быть как все.

Общественное признание нерадивости и лености являлось сильнейшим позором. Это было исключением. С нерадивыми стыдились общаться, их избегали. Действовали невидимые, веками выработанные правила морали и нравственности.

В ходе бесконечного изнурительного труда на массовых общественных работах отдушиной являлись кратковременные перерывы на обед и отдых. И перерывы эти скорее являлись символическими, чтобы перевести дух. Потому что даже перерыв на обед в течение огромного трудового дня выпадал для того, чтобы дать отдых животным, на которых трудились, напоить их и накормить.

Питание у всех было скудное. Как говорили, что Бог послал. Чаще всего в поле брали небольшой "тормозок" с хлебом, сальцем, луком и водой. Но какое это было удовольствие. Располагались – где кто как мог. Разворачивали свои тощие узелки. Слаще хлеба после на-

пряженного труда сложно было представить. А если к тому же удавалось на несколько минут растянуться всем телом на свежем прокосе, то это – величайшее блаженство.

Никого не оставляли в беде, делились последним. Помогали не отстать, выполнить норму, быть на уровне коллектива. И плату получали за труд примерно одинаковую. Поначалу – трудодни с равной оплатой в конце года выращенной продукцией, а после уже – деньгами, но тоже по минимуму. Так, если это на конно-ручных работах, то в расчете на один трудодень часто приходилось менее одного рубля (по тем деньгам).

Особенно неповторимое зрелище представляла коллективная организация сенокосов. Неисчислимое количество людей рассредотачивалось на бескрайнем пространстве. Мужчины в белых рубашках, выстроившись рядами, "отбивали" ровные покосы во всю ширину разворота рук и захвата кос, наступая друг другу на пятки. Женщины в светлых косынках и платьях тут же растрясали и ворошили скошенную траву, сушили ее. Затем сгребали в валки и копны. Дети на лошадях, запряженных в волокуши (специальным способом связанные между собой тонкие ветвистые березки или лозы так, что образовался настил, на который укладывали копны сена для подвозки их к стогам или телегам), лихо подъезжали к копнам, женщины укладывали готовое сено на волокуши, которые стремительно подтягивались к местам укладки. Мужчины вместе с женщинами подавали сено специальными вилами на длинных рукоятках на телеги или стога. Укладчики, стоявшие на стогах (или телегах), еле успевали принимать огромные ошматки пушистого высушенного сена, умело их утаптывали, поднимаясь все выше и выше. Все это делалось почти автоматически, в считанные минуты. Затем аккуратно сложенные высоченные стога перетягивались гибкими жердями, чтобы ветер не мог их разворотить, и оставлялись в таком виде на лугах на хранение. А телеги, также надежно уложенные, уплотнялись сверху специальными бревнами – рублями – и увязывались веревками.

За день огромных размеров поле или луг следовало полностью убрать, оставлять готовое сено было неприято, даже если приходилось работать допоздна.

Там, где ранним утром еще колосились травы, к вечеру густо стояли стога или тянулась целая вереница груженных сеном подвод.

Возы сена часто были настолько большими, что кони с повозки казались карликовыми. На верхотуре каждого воза, на рублях-бревнах как правило сидели дети и управляли подводами. А еще сено надо было разгрузить и уложить в хранилищах.

Эту организацию невольно можно было сравнить с муравейником, бессчетное количество людей (а на уборку выходили и стар, и млад) одновременно было занято разными работами и каждый знал свое дело. Передвигались как бы огромной волной с одного края поля или луга на другой. Приступали к свежему травостоя, а оставляли после себя аккуратно выкошенную местность с рядами грамотно уложенных копн и стогов. Раздавалась лишь громкая многоголосица.

На небольших привалах неизменно звучали песни – веселые и голосистые. Как и вообще при любых обстоятельствах. Деревню невозможно было представить без песни. С песнями шли на работу, с песнями и возвращались. Песнями встречали и провожали все праздники. Ну, а если это был всеобщий праздник, то пела и гудела вся деревня. Все, как единая семья. Радость всех – это была радость каждого.

Несмотря на тяжелый, бесконечный и часто непосильный труд, жизнь крестьян нельзя было назвать беспросветной. Она была какая-то особенная – трудная, но не лишенная оптимизма, духа силы. Светлая, утверждающая, обнадеживающая. Воспоминания той поры у всех, кто жил в деревне, – самые теплые. Это незабываемое время. К сожалению, сейчас в деревне уже нет той обстановки, поэтому нынешнему поколению сложно сравнить ее с прошлым.

Многие тяготы общественного и домашнего хозяйства ложились на детей, которые с малых лет учились на равных со взрослыми вплетаться в жизненные проблемы.

Детям часто бывало даже труднее, чем взрослым. Они еще не имели опыта, но старались показать свою прыть, чтобы взрослые согласились на совместный труд. Они еще не могли легко переносить длительного труда, не были втянуты, поэтому уставали больше. Но это была превосходная закалка, дети быстро выросли, набрались крестьянской мудрости.

Вспоминая те времена и оценивая труд тех крестьян с позиции сегодняшнего дня, часто невольно приходится задаваться вопросом, почему при таком тяжелом и бесконечном труде люди жили бедно,

испытывали постоянную нужду, еле сводили концы с концами. Труд в общественном хозяйстве забирал все силы, но доходов почти не приносил, большинство традиционно жило за счет личных подворий. И так повсеместно.

Не трудиться люди не могли. Это в крови белоруса, характерная черта народа. Белоруса можно наказать не избыточным трудом, а лишением возможности трудиться. Этот отличительный признак сформировал своеобразный генотип общества. Поэтому слово "белорус" до сих пор ассоциируется с понятиями трудолюбие, ответственность, взаимопомощь, отзывчивость и доброта. Достаточно побеседовать с любым сельским жителем, чтобы убедиться в справедливости этих ассоциаций. Расположение возникает сразу же, и этому способствует мягкость и душевность местного говора, привлекательность диалекта, теплота произношения слов, стеснительность и простота поведения, скромность потребностей, доброта и миролюбие в общении и отношениях. Это читается даже по лицам – открытым, чистым, светлым и привлекательным.

Да, другого такого народа нет. И это не преувеличение. Белорусы – уникальны. Их уникальность в самопожертвовании ради лучшего будущего.

II часть. ПОЧЕМУ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ИСЧЕЗЛА ПРОСЛОЙКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В стране в последнее время поставлена задача обеспечить устойчивые темпы роста объемов производства и укрепить экономику сельскохозяйственных организаций, перейти на самокупаемость и самофинансирование агропромышленных предприятий, обеспечить необходимый уровень конкурентоспособности отечественного производства, создать условия для роста прибыли и доходов сельских товаропроизводителей. На этой базе должны быть созданы надежные гарантии продовольственной безопасности, наращивания экспортного потенциала и равноправной интеграции страны в мировую хозяйственную и продовольственную систему. Это, естественно, требует создания мощной национальной системы бизнеса и предпринимательства, формирования сильного слоя дельных и предприимчивых работников. Конечно, в данной связи необходимо будет существенно повысить заинтересованность работников в труде и следовательно – производительность самого сельскохозяйственного труда.

Задачи, как видим, большие, важные, актуальные и неизбежные. Иначе национальный АПК проиграет в международной конкуренции и будет вытесняться более сильными зарубежными поставщиками не только на внешних рынках, но и на внутреннем, белорусском.

Так почему же в последнее время возникла задача, наряду с другими, формирования категории дельных и предприимчивых кадров, повышения производительности и заинтересованности аграрного труда. Куда же девались эти традиционные для белорусов свойства предпринимательства, исконно присущие им качества заинтересованности в труде и высокой производительности.

Как выясняется, ныне в противовес им повсеместно имеет место безразличие работников к общественному производству и безучастие их в принимаемых сверху управленческих решениях и организуемых мероприятиях, безответственное отношение к исполне-

нию обязанностей, "отбываловка" на работе, иждивение и упование на помощь государства, стремление получить незаработанное. Куда ушли пресловутые белорусские трудолюбие, бескорыстие и ответственность.

Конечно, на эти вопросы сразу ответить сложно, это целый пласт проблем, причин и следствий. Все они, безусловно, требуют отдельного разбора.

Но прежде следует привести такой факт. Удивило высказывание одного польского ученого на научно-практической конференции еще в начале 90-х годов истекшего столетия. Оценивая итоги развития АПК Польши за обозримый период, этот исследователь совершенно неожиданно для присутствующих сделал вывод о том, что польское сельское хозяйство якобы до сих пор ощущает негативные последствия того периода, когда польские земли входили в состав Российской империи и были окраиной страны. И в особенности – негативное влияние общинной организации крестьянского труда того времени, несущей обязательную уравнительность и не приемлющей индивидуальность и своеобразие.

Так это или нет – судить сложно. А что тогда говорить нам, белорусам.

Попытаемся рассмотреть причинно-следственные связи развития отечественного сельского хозяйства в историческом разрезе, после чего более очевидными станут и другие проблемы. К сожалению, у нас почему-то не очень принято заглядывать в историю, в основном делаются выводы на анализе текущей практики. Однако ретроспективный анализ важен тем, что позволяет увидеть сами истоки причин и более объективно определить ход развития следствий, проследить связь времен.

Возьмем не такой уже отдаленный отрезок времени. Посмотрим положение крестьянства на белорусских землях накануне установления Советской власти и за период так называемого социалистического строительства.

Это очень важно. К сожалению, бытует мнение, что история белорусского государства чуть ли не начинается с Октябрьской революции, а развитие сельского хозяйства страны – с коллективизации. Все более раннее – малоизвестно или представляется в искаженном свете.

Так, исторические документы свидетельствуют, что конец 19 – начало 20-го веков характеризовались в России как период быстрого

капиталистического развития, которое отразилось и на деревне. Экономика страны более чем на 80 % формировалась за счет производства сельскохозяйственной продукции. В сельское хозяйство стали внедряться многие производительные сельскохозяйственные машины и механизмы, вводятся элементы рационального земледелия (севообороты, плодосмен, новые семена и др.). Это значительно увеличивало объемы производства. Деревня смогла обеспечивать не только свои потребности, но и активно торговать. В итоге она стала расслаиваться, как принято выражаться, по классовому признаку, хотя, если по справедливости, то никаких выраженных классов в деревне никогда не существовало. Просто в условиях быстрого развития капиталистических отношений происходило образование и укрепление слоя зажиточных крестьян. Здесь не следует брать в расчет помещичьи усадьбы или других крупных землевладельцев, это иной уклад, своя экономика. Но в ходе реализации Столыпинской реформы, которая активно проводилась в стране на переломе двух прошедших столетий, крестьяне получили возможность выходить из общины, организовывать свое индивидуальное хозяйство, брать землю в аренду и даже покупать землю и инвентарь, для чего специально был создан Крестьянский банк и всем желающим почти беспрепятственно представлялись ссуды на укрепление своих частных хозяйств. Наряду с этим была представлена возможность переселения на свободные земли для формирования крепкого частного хозяйства, в связи с чем также предоставлялись целевые ссуды (на проезд, на строительство, на приобретение скота и инвентарь и др.).

Таким образом, к концу первого десятилетия 20-го века белорусские земли фактически выходили от общинного земледелия и в массовом плане переходили на индивидуальные (частные) крестьянские хозяйства, во главе которых были крестьянский двор, собственные (выделенные из общины) земли, купленные за счет кредитов банка и арендованные земли, обязательное подворье (животные, инвентарь, хозяйственные постройки и др.). Достаточно сказать, что в ежегодном отчете Правительства зафиксировано, что белорусские губернии к 1910 г. на 70–80 % перешли на хуторскую форму ведения хозяйства, как наиболее удобную и эффективную.

Белорусские крестьяне, помня еще независимое хозяйствование в составе Великого Княжества Литовского (к слову, которое имело

наиболее прогрессивное законодательство во всей Европе, позволяющее многие свободы), в массовом порядке отказались от общины и с большим опережением, по сравнению с другими регионами, переходили на индивидуальные хуторские хозяйства со своей спецификой ведения земледелия и животноводства.

Кстати, сама Российская империя в целом в то время показывала темпы развития, которые намного опережали многие европейские страны. Особенно интенсивно развивались западные губернии, в число которых входили земли Прибалтики, Беларуси, Украины и др. Быстро расширялся рынок, росли объемы торговли, крестьяне старались производить качественную продукцию для продажи. Росли объемы поставок сельскохозяйственной продукции на европейский рынок. Все это давало соответствующие доходы, крестьянский сектор укреплялся.

Здесь хотелось бы предупредить возможных критиканов сказанного. Да, не все было так идеально. Конечно, существовало массовое малоземелье, западные регионы имели избыточное крестьянское население, существовала бедность, имела место миграция за рубеж в поисках лучшей доли. Особенно недоставало земли для организации хуторских хозяйств. Существовала дороговизна. Хуторизации сильно сопротивлялась община, которая не давала хода новому укладу. Но все это были трудности переходного периода, с которыми белорусские губернии довольно успешно справлялись.

Если бы Столыпинская реформа не прекратилась насильственным, то к началу Октябрьской революции белорусские земли были бы почти полностью хуторизированы. Кстати, этого очень опасались большевики. Они хорошо осознавали, что если Столыпинская реформа продлится и достигнет своих целей, то ни о какой социалистической революции не может быть и речи.

Таким образом, в первое десятилетие 19-го века четко определилась социальная и экономическая модель устройства сельского хозяйства, западных земель Российской империи, которая в наибольшей мере отвечала потребностям белорусского крестьянства. Но не это даже главное. Важно то, что бурное развитие получил рынок со всеми его атрибутами. Крестьяне из неимущих и обездолженных, благодаря своей исконной приверженности к труду и неизменному самопожертвованию ради ощутимого благополучия, быстро осваи-

вали навыки торговли и предпринимательства, расширяли объемы производства для рыночной продажи, осваивали новые приемы агрикультуры, укрепляли свое хозяйство.

В таком виде белорусское крестьянство подошло к 1917 г. или иначе – к началу Октябрьской революции. Оно было в своей массе имущим и не могло сразу активно поддержать настроения пролетариата. К происходящим в больших городах событиям крестьянство относилось с известной настороженностью. Привлекательным было лишь одно – обещание земли, которой в белорусских губерниях крайне недоставало.

После свершения Октябрьской революции крестьяне с нетерпением ожидали специального Декрета о земле. Но надежды их, к великому сожалению, не оправдались. Известный Декрет провозглашал сплошную национализацию всех земель вместо их предполагаемой раздачи крестьянам, то есть тем, кто на ней работает. Крестьяне опять остались ни с чем, их вековые чаяния на собственность провалились. Лояльное отношение крестьян к революции и ее поддержка беднейшими слоями по сути оказались безрезультатными. Крестьяне наделялись землей в порядке пользования, а это не давало право собственности.

Важно заметить, что именно на этой грани социального переустройства страны и смены социально-экономических укладов произошел разрыв преемственности дальнейшего развития страны. Так, до Октябрьской революции страна развивалась эволюционным путем, где в основе экономики были проверенные жизнью экономические рычаги и механизмы (хотя, конечно, реализовались они крайне медленно). После слома традиционного уклада и отрицания всех прежних производственных отношений страна стала двигаться так называемыми революционными скачками, в основе организации были жесткие административные методы и директивы. История как бы разделилась на две части: до революции, когда все стало отвергаться и признаваться негодным, и после революции, когда наяву стал наблюдаться сплошной валюнтаризм и получила место широкая пропаганда административных прожектов на лучшее будущее. С этого, по сути, началась эпоха бесконечных потрясений для крестьян. Теперь, по прошествии значительного времени, можно однозначно утверждать, что этот разлом эпох нельзя назвать иным как катастрофой для отечественного крестьянства.

Конечно, крупные землевладельцы и собственники покинули страну со своими капиталами сразу же после революции или еще до ее начала. И нельзя не признавать того, что их хозяйства были своего рода центрами культуры земледелия и производительного ведения сельского хозяйства.

На базе бывших помещичьих имений в первые годы Советской власти были попытки создания коммун и советских хозяйств (совхозов), которые бы стали центрами и образцами культурного ведения сельского хозяйства, но на новой общественной основе. Однако эти попытки повсеместно оказались безуспешными. Коммуны просуществовали до тех пор, пока коммунары могли использовать имущество и запасы прежних хозяев.

В моей родной деревне Батвиново, что на Гомельщине, часто с иронией рассказывали историю создания аналогичной коммуны в соседней деревне Меркуловичи Рогачевского уезда. Коммунары устраивали митинги, пели революционные песни, жгли костры и ежедневно зажаривали или варили быка, корову или коня из подворья бывшего состоятельного помещика. Работать никто не хотел, строили планы создания общества всеобщего благоденствия, где бы никто не работал. От приготовления обильных трапез оставались кости и некоторые другие неиспользуемые части. Местные крестьяне в обмен на это оказывали коммунарам некоторые услуги и выполняли за них работы. В результате, коммуна просуществовала до тех пор, пока в бывшем помещичьем хозяйстве оставалась живность.

Не лучше обстояли дела и в первых совхозах. Практически все они были убыточными, требовали постоянной государственной помощи. В итоге или исчезали, или постоянно подлежали реорганизации.

Первая мировая война, которая, как известно, продолжалась и в начальный период Советской власти, сводила на нет прогрессивные начала Столыпинской реформы, приводила к разорению сельского хозяйства. Рынок утратил цивилизованные формы, где стали преобладать спекулятивные сделки.

Новой власти для ведения войны и становления своей экономики необходимы были продовольственные ресурсы. Они имелись только у крестьян, которые отказывались добровольно отдавать продовольствие. В ответ на это в стране в срочном порядке вводилась политика продразверстки, в ходе которой у крестьян насильственно

подчистую изымались все запасы продовольствия. Крестьяне как могли скрывали зерно и другие продукты, но это считалось непростительным преступлением. Имелись случаи расстрела крестьян на месте находки запасов. Население, лишенное продовольствия, было вынуждено мигрировать в города и другие места в поисках пропитания.

Политика продразверстки окончательно разорила крестьянство. Пропала малейшая заинтересованность в ведении хозяйства, поскольку изымались не только излишки, но и все наличные продовольственные ресурсы, включая посевной материал. Крестьяне массово прекращали сельское хозяйство, свертывали производство и подавались на заработки. Считается, что периоды милитаризации труда и продразверстки в годы становления новой власти нанесли значительно больший вред сельскому хозяйству и крестьянству страны, чем даже первая война.

Крестьяне впервые сами не желали засеять поля, получать продукцию, сводили подворье, уходили из деревни. Исчезало желание трудиться, нельзя было торговать, преступлением стало заниматься предпринимательством. Процветала спекуляция, где доминировали криминальные элементы.

Сейчас это можно назвать массовым уроком – как не надо поступать с крестьянством.

Только в 1921 г. новая Советская власть опомнилась и стала искать пути спасения. Страна – в хаосе, царили разруха и безысходность. В этих условиях срочно пришлось предпринять попытку введения так называемой новой экономической политики (НЭП), в связи с чем было принято решение изымать у крестьян только излишки продовольствия (сверх норм потребления, установленных на каждого едока).

Как оказалось НЭП была спасением не только для крестьян, но и для Советской власти. При дальнейшей разрухе новую власть сохранить было невозможно. Советское правительство вынуждено было пойти на немалые уступки крестьянам.

Уже только одна возможность свободного труда, а именно – добровольно производить и оставлять у себя часть продовольствия, необходимого для поддержания жизни каждого члена крестьянской семьи и для дальнейшего ведения хозяйства (посевной материал, молодняк животных и др.), позволила мобилизовать крестьян на восстановление сельского хозяйства. В оборот быстро вводились

запущенные земли, расширились площади посевов, восстанавливалось поголовье скота, росло крестьянское подворье. Крестьяне вздохнули с облегчением, угроза голода и гибели отступила. Ощущался подъем. Крестьяне с большим рвением опять брались за сельхозинвентарь. Возвращалось попорченное в прошлом трудолюбие. Оживал интерес к плодотворному крестьянскому труду.

Еще большее оживление принесло разрешение торговать излишками, восстановление цивилизованного рынка, где главным действующим лицом был крестьянин. Это происходило наряду с сокращением объемов обязательной безвозмездной сдачи продуктов сельского хозяйства государству и расширением прав на свободную рыночную торговлю. Деревня буквально восстанавливалась на глазах, затягивались раны войны и продразверстки. Всего за несколько лет существования НЭПа страна практически восстановила довоенный уровень производства и торговли. Это также можно назвать своеобразной демонстрацией того, что при создании крестьянам благоприятных условий в стране могут быть быстро решены продовольственные и экономические проблемы.

Новая власть призывала учиться торговать, учиться рынку, учиться кооперации.

Крестьянство и рынок сделали то, чего невозможно было добиться административными мерами – возродились интерес, предпринимательство, торговля, восстановилась роль цивилизованного обмена между городом и деревней, возрос авторитет самой власти. Напряженный крестьянский труд, в основе которого был экономический интерес, создавал экономическую базу для развития всех других отраслей народного хозяйства. Этой базой был стабильный и сильный продналог, с которым крестьяне могли легко справляться, а также свободный рыночный торговый оборот продовольствием, в результате чего крестьяне могли беспрепятственно продавать свою продукцию и в ответ приобретать все необходимые ресурсы для дальнейшей жизни и деятельности. Благосостояние крестьян постоянно улучшалось, особенно после того, как натуральный продналог был заменен денежным. Это стимулировало крестьян зарабатывать, производить гораздо больше, чем необходимо было для своих потребностей. Такая ситуация в лучшей степени мотивировала рост производительности труда и развитие предпринимательства.

Крестьяне становились в стране ведущей производительной силой, формирующей преобладающие объемы национального дохода для устойчивого развития страны.

Характерно, что за годы НЭПа число коммун, совхозов и коллективных хозяйств (колхозов), которые были созданы в стране в предыдущие годы, резко упало с восстановлением рыночных отношений, а в ряде регионов они почти полностью исчезли. Их место занимали частные крестьянские хозяйства.

Характерно и то, что в этот период в стране получила широкое развитие разного рода крестьянская самостоятельная кооперация. Добровольно, на принципах самоорганизации, создавались союзы и общества различных товаропроизводителей (льноводов, маслоделов и др.), которые объединяли крестьян по роду занятий и интересам. Данные кооперативы способствовали организованной продаже крестьянской продукции на внутреннем и внешнем рынке, закупке необходимых машин, механизмов и удобрений, распространяли передовой опыт ведения сельского хозяйства, а также элементы научной организации труда. Такие кооперативы не подменяли самостоятельности крестьянских хозяйств, надо подчеркнуть, что они имели лишь вспомогательно-обслуживающий характер. Крестьяне весьма активно взаимодействовали с различного рода кооперативами по продуктовым интересам. Это давало ряд преимуществ, особенно при организации сбыта продукции и приобретения материально-технических средств.

В годы НЭПа было даже такое явление в Беларуси, как создание так называемых прищеповских хуторов (названных по имени народного комиссара земледелия того времени, поддерживавшего создание новых хуторских хозяйств). Но в широком плане они не прижились, поскольку земля крестьянам представлялась лишь во временное пользование и отсутствовали необходимые средства (у государства и крестьян) для хозяйственного обустройства этих хуторов.

Однако так продолжалось совсем недолго. Восстановление "нэпманов", как тогда называли зажиточных крестьян и предпринимателей, не входило в долгосрочную стратегию правящей в стране Коммунистической партии. Это было своего рода отступление от провозглашенной тогда генеральной линии на огосударствление экономики. Партия и Правительство лишь выбирали момент, когда мож-

но окончательно покончить с состоятельными частниками, признаками обогащения крестьян, свободной рыночной торговлей. Уже в 1925–1927 гг. усилились нападки на зажиточных крестьян, обогащение деревни представлялось как несовместимое с линией партии явление. Преднамеренно противопоставлялись богатые и бедные крестьяне. Состоятельных крестьян стали называть кулаками и мироедами, с которыми необходимо было бороться.

Таким образом, несмотря на то, что НЭП по сути спасла Советскую власть, она (в отличие от распространившегося мнения) не была целевой политикой Советской власти, она стала лишь временной мерой, компромиссом, после которого установки Октябрьской революции (1917 г.) были продолжены.

В 1927–1928 гг. появились первые попытки раскулачивания, то есть насильственного изъятия у зажиточных крестьян земли и имущества. Раскулаченных крестьян запрещалось оставлять на старом месте жительства, они насильственно выселялись.

Срочно во всех сельских советах и деревнях создавались так называемые комитеты бедноты (комбеды) для борьбы с кулачеством и для налаживания в деревне нового социалистического порядка.

Коммунистическая партия и Правительство приняли ряд директивных решений по ускорению коллективизации крестьян. То есть по созданию коллективных хозяйств (колхозов), куда могла вступать только беднейшая часть крестьянства, а также некоторые середняки (при добровольной сдаче всего своего имущества в пользу колхоза и при одобрении комбедов).

Зажиточных крестьян и многих крепких середняков принимать в колхозы было запрещено, как антиобщественные элементы. Принимать в колхозы кулаков считалось грубым нарушением социалистического порядка и устава сельскохозяйственной артели. Это было исключением. Да и сами зажиточные крестьяне, а также значительная масса беднейших слоев, всячески сопротивлялись и противостояли обобществлению.

Таким образом, к 1928–1929 гг., или ко времени массовой и сплошной коллективизации, зажиточные и состоятельные крестьяне, то есть наиболее сильная часть деревни, были искусственно поставлены вне общества как враждебные и чуждые элементы для новой системы, вредители, которых предстояло ликвидировать. Массовая пропаганда

сделала свое дело. Сильные крестьянские хозяйства перестали быть примером. Зажиточных крестьян сначала превратили в кулаков и мироедов, а затем – во врагов, общаться с которыми было предосудительно. К началу коллективизации общество уже было решительно настроено против относительно богатой части крестьян. Они были поставлены вне общества, превращены в изгоев.

Массовая и сплошная коллективизация, которая продолжалась в стране с 1929 г. вплоть до 1933 г. (а в Западной Беларуси, по известным причинам, и после Великой Отечественной войны), началась не только с обобществления животных и инвентаря бедняцких крестьянских хозяйств, но с ликвидации кулацких, а часто и середняцких поселений. Громилась хутора, усадьбы, насильственно уводился скот, изымались все продовольственные ресурсы, семенной фонд, выгребались вещи домашнего обихода, одежда, утварь и др. Самых владельцев отправляли "по этапу", нередко вместе с детьми. Иногда дети отделялись от родителей и определялись в детские дома и приюты, за ними пожизненно закреплялось клеймо "детей врагов народа".

Особо жесткая компания развернулась против хуторских хозяйств, в отношении их практически не применялась дифференциация на зажиточные и бедные. Все они подводились к кулацким. Поэтому с их интересами можно было вообще не считаться. Разгромленное хуторское имущество отдавалось в колхозы, лояльно настроенные и смирившиеся владельцы селялись в деревни, а непримиримые – устранялись по усмотрению местных властей и комбедов.

В эйфории раскулачивания не было строгого порядка. Это напоминало скорее произвол. Комбеды, местные органы власти и правопорядка самостоятельно, по своему соображению, принимали решения по раскулачиванию тех или иных крестьян. Часто в число раскулачиваемых попадали не только зажиточные крестьянские или середняцкие, но и бедняцкие хозяйства, которые стали чем-то неудобными местным руководителям. Не существовало хоть каких-то критериев отнесения крестьян к кулацким, середняцким или бедняцким. Все это были чисто субъективные оценки.

Таких критериев не могло быть и в принципе, поскольку в истинном смысле никаких кулаков и мироедов в Беларуси не существовало по своей сущности, да и не могло существовать. К кулацким, как правило, относились трудоспособные, сильные и эффективные хо-

зяйства, которые рационально и полно использовали труд, землю и другие ресурсы. Их целью было созидать, творить и формировать материальные блага. В своем большинстве эти хозяйства не имели даже наемной рабочей силы, обходились членами своей семьи. Но это были сильные хозяйства, насчитывающие часто по несколько взрослых трудоспособных работников, состоящих в близком родстве (отец, сыновья, зятя, невестки и др.). По сути это были полноценные крестьянские дворы в виде хуторских и индивидуальных поселений. Они имели своих коней, коров, свиней, овец и других животных, исправный инвентарь, земельные угодья, которые обрабатывали своим трудом. Благодаря труду обеспечивали устойчивость подворья и относительное материальное благополучие. Такие хозяйства были основными поставщиками товарной продукции, источником доходов государства, регулярно платили налоги и другие платежи. Аналогичные хозяйства за рубежом, например, принимались образцами рационального хозяйствования, они концентрировали по тем временам все лучшее и передовое. Это были своеобразные точки культурного самостоятельного хозяйствования. Но установившейся новой власти, преследующей умозрительные цели мировой социалистической революции во главе с пролетариатом и всеобщего обобществления материальных благ, где господствовать должны были пресловутые принципы распределения по потребностям, а работы – по возможностям, они были не нужны. Существующая власть их даже в значительной мере опасалась как частнособственнических (читай, малоправляемых) элементов. У крестьян-собственников продукцию можно было только отнять, добровольно они ее отдать не могли.

Власти же надо было распоряжаться беспрепятственно всем имуществом. Этого можно было добиться только посредством сплошного обобществления всех видов имущества, создания колхозов и совхозов, где никто конкретно не мог считаться собственником. Обезличенное имущество по сути становилось ничейным, власть могла сполна распоряжаться им по своему усмотрению. И к тому же еще и привлекать к ответственности крестьян, если вдруг они не станут обеспечивать должным образом исполнение директив.

Средняцкие хозяйства были значительно слабее как по численности живности и количеству продуктивной земли, а также трудоспособных работников, так и по объемам производства. Но, как пра-

вило, они имели не менее одного коня, двух-трех коров, исправный инвентарь, хозяйственные постройки и сравнительно неплохое жилье. Они также бесппроблемно продавали излишки продукции и платили налоги.

Примером для подражания для них были зажиточные и состоятельные хозяйства, у которых они учились культуре земледелия и организации производства. В своей деятельности они также были ориентированы на рынок и рыночную торговлю.

Это были подлинно трудовые хозяйства, они не привлекали наемных работников, в большинстве своем вышли из среды бедняцких благодаря упорному труду, в ходе напряженной трудовой деятельности создавали свои богатства. Но поскольку были беднее кулацких, то стояли значительно ближе к бедняцким и легче управлялись местными властями. Часто занимали соглашательскую позицию с местными властями для того, чтобы выжить.

По отношению к коллективизации середняцкие хозяйства занимали двойственную линию. С одной стороны, не хотелось расставаться с накопленным добром, а с другой – они стремились не оторваться от деревни и общества, тем более опасались за свое будущее.

Бедняцкие хозяйства, по сути, считались сельским пролетариатом. Это как правило – неимущие и малоимущие дворы, где редко была лошадь и далеко не везде корова. Остальная живность также имелась в минимуме. Многие из них были безземельными. Трудопособные члены этих семей часто работали по найму у зажиточных хозяев или бездельничали, перебиваясь временными заработками. Нередко взрослые работники занимались мелким промыслом (поделками, которые старались продать на рынке) или отхожим плотницким промыслом (рубили крестьянам дома, возводили хозпостройки и др.). Своими личными хозяйствами и сельскохозяйственными работами занимались весьма слабо. Часто жили впроголодь, не хватало продовольствия от урожая до урожая. В зажиточных деревнях к таким крестьянам относились пренебрежительно, уничижительно, с ними не желали создавать даже родственных отношений (например, брать из их числа невестку или зятя). Часто такие крестьяне были предметом насмешек, их считали "перекати-поле".

Но они были легко сговорчивы, управляемы, могли за небольшую плату выполнить любую черновую работу. Практически, они

не создавали материального богатства (в том плане, как это делали другие более состоятельные хозяева), были нахлебниками, не платили налоги. Однако именно такие люди были выгодны новой власти как инструмент, с помощью которого в деревне можно навести требуемый порядок.

Создание колхозов деревенская беднота воспринимала в большинстве благожелательно, выступала инициатором коллективизации, определяла ее темпы, принимала решения в отношении колеблющихся крестьян, расправлялась с кулацкими хозяйствами. В организуемых колхозах и совхозах беднота занимала главенствующие позиции. Все обобщественное имущество находилось в распоряжении комбедов и правлений, состоящих из беднейших членов. Даже изъятым и реквизируемым у кулаков имуществом беднота распоряжалась в пределах своих соображений, чаще всего безответственно.

Конечно, беднейшая часть крестьянства не могла располагать необходимыми навыками культурного ведения хозяйства, не было для этого ни опыта, ни знаний. Да и интересы были совсем другими, постичь тонкости крестьянского хозяйства не позволял во многом бесшабашный прежний образ жизни. Но с избытком было зависти к более удачливым крестьянам, а отсюда – и ненависти.

В таких непростых условиях социального и экономического раскола деревни началась сплошная коллективизация в 1928 г. Бедняцкие массы живо вступали в колхозы и задавали тон деревенским переменам. Но многие крестьянские хозяйства, даже бедняцкие, которые преимущественно занимались сельским хозяйством, шли в колхозы с большими колебаниями, под страхом раскулачивания.

Показателен такой пример. В некоторых деревнях Рогачевского уезда крестьяне продолжительное время не решались вступать в колхозы. Это, естественно, портило отчетную статистику о процентах коллективизации по региону. Тогдашний народный комиссар по земледелию решил лично провести агитацию. По рассказам очевидцев, он прибыл в деревню Фундаминка. Деревня не отличалась зажиточностью, но крестьяне прочно держались за свои индивидуальные хозяйства. Назначили сбор, крестьяне собрались в центре деревни, на переднем плане женщины, на заднем – мужчины, у каждого в руках была хорошая палка, которая в народе называлась дрючком. Нарком долго агитировал, убеждал в преимуществах кол-

хозной жизни, но крестьяне наотрез отказывались отдавать свое имущество. В адрес крестьян посыпались угрозы. В ответ крестьяне дружно погна́ли наркома этими дрючками, да с таким напором, что тот еле успел вскочить на повозку и скрыться. В другие деревни уезда нарком ехать уже не решился. Вернулся в Минск ни с чем.

Таких примеров, когда крестьяне изгоняли агитаторов, было множество. Тем не менее, коллективизация по стране набирала обороты. Состоятельные хозяйства безжалостно уничтожались, и не было даже попытки перенять навыки и культуру ведения этих хозяйств. Весь опыт организации сельского хозяйства в кулацких хозяйствах воспринимался как вражеский и неприемлемый. Власть и комбеды декларировали в будущем гораздо более эффективную организацию и зажиточную жизнь в колхозах, естественно, не представляя как это можно сделать, действуя методом крупных ошибок.

Сколько было уничтожено кулацких и середняцких хозяйств, а подчас и бедняцких – сейчас трудно установить. Статистики такой никогда не было. Есть некоторые оценочные данные разных исследователей, но очень противоречивые. Чтобы не ошибиться, вряд ли стоит называть точные цифры, но важно одно – было немало. Ведь эти процессы – не только результат большой коллективизации конца 20-х – начала 30-х годов. Явление ликвидации зажиточных крестьянских хозяйств надо рассматривать еще со времен Октябрьской революции, когда были уничтожены помещичьи хозяйства, а за ними – хуторские, когда происходила массовая ликвидация хуторов и селения хуторских крестьян в деревне. В целом, за весь период с 17-го по 40-ые годы – это, почти без исключения, вся масса лучших хозяйств, владельцы которых и члены их семей были не только лишены права дальнейшего ведения своего хозяйства, права проживания на данной территории, но и права иметь гражданские свободы. Многие, а по некоторым сведениям большинство из них, были осуждены, репрессированы и сосланы, а отдельные, которым удавалось остаться на своей территории, – унижены и растоптаны, до конца жизни несли крест необъяснимой вины перед обществом. Таким образом, результат раскулачивания – сотни тысяч, огромная армия, сломанных, искалеченных и растерзанных крестьянских судеб, раны которых зажить было невозможно.

Теперь, конечно, уже можно ставить вопрос прямо: разве раскулачивание и репрессии должны были стать ценой декларируемых

социалистических перемен и расплатой крестьян за труд, в их стремлении создать себе необходимые материальные богатства? Разве должна была власть, которая провозглашала гегемонию народа, насильственно расправляться с самим трудовым народом? Для кого тогда предназначалось пропагандируемое светлое будущее? Разве могла власть, провозгласившая свое мировое превосходство, истреблять все лучшее, что создано в стране предыдущей историей? Разве можно построить благополучие одной части общества за счет уничтожения другой?

Все это не укладывается в нормальном сознании. Можно ли это все оправдать пусть даже под благовидным предлогом создания справедливого общества? Известно, что с точки зрения истинной демократии, если в процессе перемен страдает хотя бы один человек, то общество должно сделать все, чтобы его проблемы были решены компромиссно. А здесь уничтожен целый социальный слой и адекватный ему экономический уклад. Разве это не должно стать крупнейшим уроком, как нельзя поступать с крестьянством, если, конечно, ставить цель эффективного развития страны? К сожалению, об этом, почему-то не принято говорить. А ведь прошлое надо знать и исключительно для будущего, чтобы не повторить ошибки.

Уничтожение зажиточного слоя крестьян, тотальная коллективизация образца 1928 г., надо прямо признать, – масштабная трагедия народа, приведшая страну к хозяйственному упадку и многолетнему застою. Так, за годы коллективизации поголовье сельскохозяйственных животных и объемы производства по стране упали сопоставимо только с периодом военного коммунизма. Крестьяне не желали отдавать безвозмездно животных и хозяйственный инвентарь. Еще до вступления в колхозы имущество во многом ликвидировалось. Годы коллективизации можно по праву сравнить с военным молохом, который неоднократно пронесился над страной, вызывая разруху и упадок.

Разве можно осознать умом, а тем более осуществить на практике массовый и якобы добровольный отказ крестьян от нажитого собственным трудом за свою жизнь имущества и остаться после ни с чем в надежде на возможные доходы от общественного производства (но часто не было даже и надежды, а присутствовал страх). Это просто только сказать, но решиться на такое не каждому дано.

Сейчас можно уже утверждать, что это был своеобразный подвиг крестьян – одиночный и групповой, который до конца не осознан до настоящего времени. Но осуществлялся он не добровольно, а под жестким диктатом, подтверждаемым примерами раскулачивания и сопровождаемым боязнью за свое будущее.

Намного легче было беднякам, которые фактически ничего не имели, и сдавать в колхоз какие-то жалкие остатки – для них не вызывало трагедии. А каково было состоятельным крестьянам. Вдуматься только: лишиться всего, в чем был смысл жизни и на что ушли многие годы жизни.

Поэтому практически в каждой крестьянской семье разыгрывались своего рода драматические события: отдавать – не отдавать, вступать – не вступать. Проигрывались сценарии: что будет, если все отдать или если упорно держаться своего индивидуального хозяйства.

Аналогичная драма имела место и в нашей семье. Моего деда по линии матери нельзя было назвать очень зажиточным крестьянином, но не был он и бедняком. Хороший молодой конь, корова и телка, свиньи, многая другая специальная утварь (дед имел хорошие бондарские навыки, делал сани, телеги и др.), а также добротные хозяйственные постройки для содержания скота и хранения продукции, свое оборудованное гумно. Правда, земли было маловато, но копились деньги для ее покупки. Кроме того, были подготовлены практически все материалы для строительства собственной ветряной мельницы (специальные камни-жернова, лес, пиломатериалы и др.). Все это создавалось огромным трудом. Дед работал обжигальщиком кирпича в Гомеле и пользовался отменной репутацией как лучший мастер. Грамотным не был, но природной смекалкой был наделен сполна. Деньги зарабатывал по тем временам неплохие, платили даже золотыми монетами и дед имел возможность откладывать значительную часть заработка на укрепление своего крестьянского хозяйства.

Деревня Ботвиново Рогачевского уезда находилась от Гомеля на расстоянии почти 60 км. Работать в городе заставляло лишь большое желание приобрести свою землю. Добираться приходилось не просто. Надо было более 20 км идти пешком до ближайшей железнодорожной станции Будо-Кошелево, оттуда можно было ехать до Гомеля поездом. Дед возвращался домой раз в две недели на вы-

ходной. Дома со всеми крестьянскими работами управлялись трое сыновей, дочь и жена (еще четверо детей умерло в маленьком возрасте).

Один из сыновей увлекся социалистическими идеями, стал комсомольским активистом. В 1928 г., когда ему исполнилось 18 лет, его уже избрали председателем местного сельского совета. Ему и его сподвижникам (примерно такого же возраста) пришлось выполнять директивы по коллективизации, обобществлению и раскулачиванию.

Являясь активистом, он настаивал также и дома на вступлении семьи в колхоз и на сдаче имущества. Дед наотрез отказывался. После очередного скандального разговора, когда дед временно отсутствовал, сын (мой дядя) взял самовольно корову и увел в колхоз. Возвратившись домой и не обнаружив коровы, дед рассвирепел и зарезал телку. В это время дядя вернулся, чтобы увести в колхоз телку. Критическую развязку смогла предотвратить только бабушка, решительно встав между мужем и сыном и проявив немалую женскую мудрость.

Позже, конечно, дед долго осмысливал ситуацию и добровольно отдал все имущество, вступил в колхоз. Но что это ему стоило, трудно передать. Правда, говорили, что ему еще повезло, благодаря сыну-активисту он не оказался в числе репрессированных.

Когда не стал работать на кирпичном заводе и вышел на пенсию, дед продолжал трудиться в колхозе. Делал по заказу сани, телеги, плетеные из лозы ковши для картофеля, бочки, рабочий инвентарь – грабли, косы и т.п. Я уже был подростком, ходил в школу, в 60-х годах прошлого века, а бабушка и мама еще показывали мне наши бывшие хозяйственные постройки, которые оказались у других крестьян и в самом колхозе.

Рассказывали, что многие односельчане еще долго ходили в колхоз присматривать и подкармливать своих животных – коней, коров, следили за ними, не позволяли нещадно эксплуатировать. Надеялись, что в скором времени колхозы "отменят" и все вернется в прежнее русло. И еще долгое время люди жили воспоминаниями о своем бывшем хозяйстве и старом времени, говорили об этом с любовью и трепетом. К слову, когда началась Великая Отечественная война, люди быстро разобрали все имущество назад по домам.

Или такой пример. По соседству жили старик со старухой, примерно ровесники моего деда. Примечательно то, что они не вступили в колхоз, остались единоличниками. В этой драме интересен тот

факт, что семью эту нельзя было назвать даже середнячком. Практически безземельные крестьяне, имеющие многодетную семью (семеро детей), постоянно испытывающую нужду. Из всего хозяйства были только хороший конь и корова. Но почему-то они решительно были настроены против колхоза.

Основным доводом было то, как рассказывал сам старик, что во время Первой мировой войны, он оказался в плену в Австрии, где попал в батраки к фермеру, благодаря чему и выжил, и за это время смог постичь навыки фермерства. Пешком вернулся из плена, мечтал организовать у себя подобное фермерское хозяйство. Однако известные революционные события, а затем коллективизация не позволили ему осуществить мечту. Но человек оказался верен своему глубокому убеждению.

Не поддался он на все попытки агитации и угроз. Осуждал моего деда за сдачу крепкого хозяйства. Колхозников не называл иначе как голытьбой и голодранцами.

За упрямство его лишили всего. Отобрали землю (оставили только приусадебный участок размером 10–12 соток), установили, казалось бы, непосильный ежемесячный налог, лишили возможности взаимодействовать с колхозом и практически средств к существованию. Но не репрессировали, поскольку это было бедняцкое хозяйство.

Многочисленная семья жила тем, что целыми днями находилась в лесу, принося грибы, ягоды, орехи и другую продукцию. Ели два раза в день – утром и вечером, ограничивали себя во всем, но работали от темна до темна. Из леса и неудобий заготавливали сено на корову. Для выплаты налогов старик ежедневно возил попутные грузы в Гомель и обратно (до 60 км) за какое-то денежное вознаграждение. Вставал ночью и возвращался ночью. Но несмотря на все это упорно преодолевал тяготы, непоколебимо надеясь на возврат прежней системы (как он ее называл "чертежи").

Проходило время, но его упорство и надежда не ослабевали. Даже в глубокой старости думал о восстановлении своего частного хозяйства. Моему отцу, работающему управляющим в совхозе, по долгу службы, был предоставлен прекрасный разъездной жеребец Орлик. Отец часто приезжал на нем домой. Старик подходил к коню, гладил его и неизменно повторял, что если бы он имел сейчас такого коня, то вдвое стал бы моложе.

Во времена "хрущевской оттепели" и относительной свободы в брежневский период к старику претензии прекратились. Его оставили в покое, сняли налоги. Хотя уничижительная кличка "единоличник" за ним осталась на всю жизнь.

Между нашими семьями традиционно были дружеские отношения. Мы постоянно оказывали взаимную помощь по хозяйству, несмотря ни на что. Наши отношения можно считать примером добропорядочности и добрососедства. Однажды старик попросил у отца коня, чтобы привезти сено, которое он заготовил далеко на неудобницах. Мой старший брат и такой же соседский пацан вызвались ему помочь. Когда выехали за деревню, жеребец, обладая крутым норовом и видя, что в повозке непривычные седоки, вдруг неожиданно понес. Телега на колдобинах грозила вот-вот опрокинуться. Брат со своим другом постарались на бегу соскочить. А старик, уцепившись руками за боковины (дробины) телеги, дал коню полный ход, а затем умело вывел коня на нужный путь и остановил. Было ему в то время уже за 80 лет.

Сосед любил поделиться воспоминаниями, был прекрасным собеседником. Часто делал любопытные оценки происходящих событий. Подростком я многого не понимал, но с удовольствием слушал его рассказы о жизненных перипетиях, которые ему пришлось преодолеть. Только намного позже я смог по-настоящему осознать уникальность и мужество этого человека. И сейчас его позиция служит во многом примером непоколебимости веры, хотя его давно уже нет. Думается, столько бы полезного мог сделать этот человек, если бы имел условия для свободного труда.

Однако вернемся к событиям времен коллективизации. Сделаем некоторые обобщающие оценки.

В образовавшихся колхозах крестьяне не могли сразу же ощутить обещанных выгод. Крайне низкая продуктивность, отсутствие доходов вынуждали людей работать за "палочки" – так называемые трудовые дни.

Многие почти ничего не получали от общественного труда, жили по-прежнему за счет остатков личных подсобных подворий. В ряде мест ощущался настоящий голод.

В стране прокатились массовые волнения и выступления крестьян против колхозов. После этого власти сделали видимость некоторого отступления от политики ускоренной и сплошной коллективизации.

Статью И.В. Сталина "Головокружение от успехов" крестьяне воспринимали буквально, в истинном смысле, и тут же массово стали покидать колхозы, восстанавливать свои индивидуальные хозяйства. Но оказалось, что отступление от стратегии на всеобщую коллективизацию было только видимостью. В 1931–1932 гг. требования коллективизации еще более ужесточились. И к концу 1932 г. большинство регионов страны рапортовало о завершении процесса сплошной коллективизации, по ряду территорий обобществление охватывало 100 % крестьян.

Безусловно, это был самый драматический период в истории отечественного крестьянства. Коллективизация сопровождалась ломкой вековых устоев, традиций, нравов, культуры. Весь драматизм в том, что массовая ломка "старого" не замещалась более эффективным новым, она зиждилась лишь на массивированной пропаганде и обещаниях лучшего будущего, а также на страхе репрессий.

Были уничтожены лучшие хозяйства, утрачены наиболее прогрессивные опыт и культура, которые пришлось затем восстанавливать и формировать заново многие последующие годы.

Ликвидированы признаки цивилизованного рынка, игнорированы умения эффективного хозяйствования, отвергнуты навыки предпринимательства. Слой настоящих сельскохозяйственных предпринимателей был уничтожен в стране полностью вместе с ликвидацией кулаков, середняков, и тем самым – основы самого аграрного рынка.

Место состоятельных хозяев заняли по большей части безграмотные и безликие представители слоя бедноты, которые формировались в преобладающей массе в духе потребительства и не способны были к созидательному труду. Но когда власть в деревне оказалась в их руках, то проявили свою исключительную амбициозность. Неспособность вести сельское хозяйство замещалось повышенной способностью слепо исполнять вышестоящие директивы и бездумно командовать подчиненными. Колхозы и совхозы по большей части оказались убыточными, не могли сводить концы с концами и постоянно просили государственной помощи, но бесконечно рапортовали наверх о трудовых победах.

Неспособность местных руководителей колхозов и совхозов из числа бывших бедняцких масс проявлялась во всем – в неумении организовать работы, в незнании технологий, в отсутствии навыков продавать и т. п. Государство, конечно, старалось всячески поддер-

жать колхозно-совхозное строительство, в связи с чем организованы были широкие поставки сельскохозяйственной техники, минеральных удобрений, семенного материала и других ресурсов. Кроме того, для работы в колхозах и совхозах мобилизованы были тысячи лучших рабочих заводов. Наиболее успешные представители партии назначались на руководящие должности. Но все эти меры оказались малорезультативными. Не было главного – действенной мотивации производительного труда, опыта и умения вести эффективное хозяйство и, прежде всего, возможности накапливать персонифицированную собственность. Колхозы и совхозы не давали должной отдачи. Единственным преимуществом оставалось то, что вся структура сельскохозяйственного производства, а вернее вся производимая продукция, находилась в руках установившейся власти.

Драматизм сплошной коллективизации и колхозно-совхозного строительства состоит и в том, что принятая в то время система организации предприятий и производства сохранилась на долгие годы и последующие десятилетия, в основу которой положено как централизованное административное и директивное управление, так и игнорирование хозяйственной инициативы, самостоятельности и интересов непосредственных товаропроизводителей. По сути, этот период стал знаковым для отечественного сельского хозяйства, поскольку несмотря на всю его противоречивость и деструктивность, заложенные тогда механизмы были активно поддержаны властью и приняты в качестве модели перспективного развития. К сожалению, этот исторический период остается недостаточно осмысленным до сих пор, и даже сейчас непросто вывести из всего произошедшего должные уроки.

Часто думается, если бы этот период удалось полностью изучить и описать, то получилось бы грандиозное по своей драматичности произведение. Поскольку на примере целого народа был проведен массовый эксперимент, не избирательно, а масштабно, эксперимент – трагический и судьбоносный. В наибольшей мере в этом эксперименте пострадал белорусский народ, здесь социалистические идеи отрабатывались со всей их бескомпромиссностью. Белорусская же история заслуживает такого глубокого и всестороннего объективного обобщения. Однако системного исследователя пока не нашлось.

Данный период обобществления имущества, раскулачивания и погрома лучшей части крестьянства, коллективизации получил название в популярной литературе как раскрестьянивание крестьян. Видимо, термин этот справедлив, поскольку страна лишилась векового крестьянского уклада. Характерно сравнение последствий этого периода раскрестьянивания в различных регионах республики. Там, где раскрестьянивание началось раньше (восточные регионы Беларуси), асоциальные явления ныне имеют наиболее выраженный характер (нежелание работать, тунеядство, разгильдяйство, пьянство и др.). В Западной же части Беларуси, где раскрестьянивание началось несколько позже, после присоединения этих регионов к составу СССР накануне Великой Отечественной войны, – эти явления не столь выражены, хотя тенденции те же.

В созданных колхозах и совхозах установился диктат власти, каждое хозяйство должно было строго проводить директивные решения по объемам производства продукции и ее сдачи государству. Многие годы существовала именно сдача полученной продукции государству, а не ее продажа. Доведенные планы сдачи были весьма высокими и часто непосильными для колхозов и совхозов, к тому же устанавливались еще и дополнительные или сверхплановые сдачи. Так что колхозам и совхозам приходилось практически всю произведенную продукцию сдавать государству, иногда прихватывая и семенной материал. Для оплаты труда колхозникам оставались нередко отходы (например, солома и мякина после чистки и доработки зерна). Расчет по труду осуществлялся как правило в конце года, где на каждый трудодень ("палочку") выдавалось в среднем от 200 до 500 г этих отходов. Вся основная продукция становилась неприкосновенной, объявлялась коллективной (в колхозах) и общенародной (в совхозах) собственностью, которая безраздельно принадлежала государству. За самовольное присвоение, порчу и растрату коллективного и общественного имущества, даже непреднамеренную, крестьяне привлекались к строгой судебной ответственности. Известны многие дела тех лет "за колоски". Крестьяне, чтобы накормить своих голодных детей, иногда вынуждены были тайком срывать на поле незрелые колоски. При обнаружении их объявляли вредителями и врагами народа, приговаривали судами ко многим годам исправительных работ с отбыванием наказания в лагерях и ссылках на тяжелых работах (лесоповалах, рудниках, стройках и др.).

Срывать колоски на колхозном поле или употреблять другую общественную продукцию без особого разрешения запрещалось даже во имя спасения от голода и смерти, это приравнивалось к самым злостным государственным преступлениям. Даже остатки после уборки на полях трогать было запрещено, если они и пропадали. А они-таки часто пропадали в немалых объемах из-за бесхозяйственности, царившей в колхозах. А крестьяне испытывали неопишумую нужду.

Начало 30-х годов в белорусской деревне следует отметить еще одной трагедией для крестьян. Помимо самой коллективизации, которая по сути уничтожила зажиточное и состоятельное крестьянство и привела к разгулу бедноты и нищеты, имел место ...подлинный голод. Правда, об этом говорить и писать запрещалось. Но административные запреты и репрессивные меры за разглашение "государственной тайны о голоде" совсем не означают, что его не было. Голод в начале 30-х годов был распространен практически во всех местностях тогдашней Беларуси. Справедливости ради надо сказать, что в отличие от Украины или Российского Поволжья, где крестьяне во множестве своем умирали от голода, в Беларуси такой массовой гибели народа от голода не было. Здесь крестьяне могли получать с личных подворий хотя какой-то минимум продовольствия. Тем не менее, по свидетельствам очевидцев, народ массово недоедал, довольствовался самым скромным минимумом ресурсов. Экономии на всем, пытались распределить минимальные средства как можно на более длительное время, сохраняли запасы на так называемый "черный день". И все же были случаи и голодных смертей, и опухания от голода, и истощения, и многих связанных с этим болезней.

Мои близкие неоднократно рассказывали, что продуктов на зиму у большинства крестьян чаще всего не хватало. Многие шли просить подаяния, и большинство перебивалось кто как мог. Собирали гнилую картошку, лебеду, мякину. Употребляя такую продукцию, люди умирали от "неведомых" болезней. В города устремлялись толпы крестьян в поиске средств выживания. Одновременно с южных регионов Великой Страны (в основном из Украины) тянулись цепочки голодных и оборванных людей, с жадностью набрасывающихся в крестьянских подворьях белорусов при случае на любые виды продовольствия, вплоть до кормов для животных. Многие такие люди оставались навечно на бесчисленных сельских дорогах.

Сейчас об этом можно уже говорить. Давать оценки происходящим тогда событиям.

Поражает цинизм руководящих властей, доведших крестьянство и крестьянскую страну до такого состояния. Причиной по большей мере был субъективный фактор. А результатом – объективная ужасающая картина. Так, голод и мор людей были вызваны не только потому, что случились неурожайные годы, а в основном в связи с тем, что это было следствием массовой, тотальной и скоротечной коллективизации, когда люди одновременно лишались всего имущества не имея возможности создать хотя бы какие-то резервы и запасы на переходный период. Казалось бы вчера еще крестьянин имел все и мог планировать жизнь, сегодня, вступив в колхоз и отдав все свое состояние в общественное распоряжение, остался ни с чем, завтра его ждал неминуемый голод. Все, что находилось и производилось в коллективном (общественном) хозяйстве, было неприкосновенно. Остатки личных подсобных хозяйств не могли прокормить многочисленные семьи, требовалось время на их укрепление. Власти же не проявили ни малейшей заботы о поддержании обездоленного крестьянства в самый драматический период их жизни. Все было пущено на самотек, на выживаемость. Голод сделал свой отбор.

С созданием колхозов и совхозов категория крестьянства как таковая практически прекратила свое существование, ее место заняли понятия "колхозники" – в колхозах и "рабочие" – в совхозах. Колхозы хотя формально и считались кооперативной собственностью, но колхозники по идее были такими же бесправными работниками, как и рабочие совхоза. Каждый колхозник и рабочий совхоза должен был отработать на общественных работах не менее установленной нормы человеко-дней (как правило, не менее 22–24 дней в месяц). Продолжительность рабочего дня по законодательству юридически имела нормативы, но фактически не соблюдалась, рабочий день мог длиться сколь угодно долго (как решали местные руководители и требовали неотложные работы). Не подчиниться местным руководителям было нельзя, что могло быть расценено как недовольство Советской властью. Известно, что в 30–40-е годы в стране продолжался поиск врагов народа, в результате чего вновь многие беспричинно были репрессированы, не стало исключением и сельское население.

Выискивались якобы "недовольные" партией, правительством, властью, после чего такие люди бесследно исчезали. Нередко под этой маркой сводили счеты враждующие между собой соседи, односельчане, которые могли дать специальным органам конфиденциальные "негативные" показания (доносы) на своих противников. Еще хуже, когда недовольство выражали местные руководители колхозов и совхозов, в этом случае выселению и репрессиям подвергались целые семьи.

Имелись даже специальные провокаторы.

Мои родители, вспоминая события той поры, рассказывали об одном из таких провокаторов. По деревне какое-то время ходил странный человек, который пытался вступать с местными жителями в разговоры, при этом якобы невзначай с показным недовольством начинал ругать Советскую власть, колхозы или политику партии. Демонстративно разворачивал газету, где, по его словам, напечатана вся эта критика, хотя, по словам очевидцев, читать абсолютно не умел. При этом внимательно смотрел за реакцией собеседников. Если критика одобрялась, то таких недовольных в скором времени ждали большие неприятности. Мой дед и бабушка строго-настрого предупреждали своих детей не произносить ни слова, когда в дом зайдет этот человек. Все молчали как воды в рот набрав – ни одобрения, ни возражения. Если разговор не поддерживался, он уходил восвояси.

Тем не менее на провокацию поддались несколько односельчан. Было уговорено, что люди соберут все, что у них имеется наиболее ценное, и будут ждать ночью за деревней в гумне. Их якобы переправят в Польшу, куда они смогут затем забрать и свои семьи. Как было условлено, люди собрались. Но подъехали "воронки" (так назывались машины спецслужб). Больше этих людей никто не видел. Даже много лет спустя дети и родственники не смогли отыскать их следов.

Жизнь в колхозах и совхозах в начальный период сопровождалась немалым напряжением и страхом. Работать приходилось не по собственной заинтересованности, а по указанию сверху и в известной мере из-за боязни возможных карательных последствий.

Официально организация колхозной жизни соответствовала Уставу сельскохозяйственной артели, который принимался Общим собранием колхозников. Высшим органом управления колхоза считалось Правление, которое избиралось Общим собранием. Правление

избирало Председателя, который был высшим должностным лицом в колхозе – подотчетен Общему собранию. Но неофициально Председатель Правления был единовластным руководителем всего колхоза, который строго действовал по директивным указаниям сверху. По Уставу артели, Правление и Председатель должны были ежегодно переизбираться. Фактически, отчетно-выборные собрания проводились ежегодно, но каждый Председатель мог организовать выборную компанию так, чтобы оставаться на посту столько времени, сколько пожелает, если, конечно, согласны вышестоящие органы. Весьма часто районные власти предлагали свои кандидатуры на должность Председателя (из числа партийной и советской номенклатуры) и без труда проводили их избрание на Общем собрании колхозников. То есть фактически не Общее собрание, а вышестоящие власти назначали (и меняли при необходимости) кандидатуры председателей.

Что касается совхозов, то там дела обстояли еще проще. Назначение и ротацию не надо было даже формально проводить через Общее собрание. Действовала прямая система единоначалия, которая копировалась из вышестоящих органов власти. Это привело к тому, что вся система ведения сельского хозяйства в колхозах и совхозах определялась, согласовывалась и утверждалась в вышестоящих органах. А именно – прогнозирование и планирование производства, посевные площади и поголовье животных, продуктивность полей и ферм и объемы выхода продукции, порядок и сроки сдачи продукции государству, размеры продукции для распределения по трудодням, формирование прибылей и убытков, – все это было прямой компетенцией районных властей. Даже применяемые технологии, структуру посевных площадей и севообороты, сроки сева и уборки и многие другие текущие хозяйственные вопросы надо было согласовывать в райкоме партии и в районном управлении сельского хозяйства, а вернее – стараться исполнять строго в соответствии с установленными сверху для всех общими требованиями. Никакие самостоятельные коррективы директив и инициативы не разрешались. С коллективами колхозников и рабочих совхозов никто не считался. Недовольство и несогласие носили в основном скрытый характер и не выходили дальше пределов хозяйств, внутренних подразделений или даже семей.

Всякая предприимчивость или деятельность, идущая в разрез с административными установками, подавлялась. Делать надо было, как все.

С этих пор в колхозах и совхозах стала укореняться пресловутая уравниловка. Устанавливались усредненные нормы и нормативы затрат труда и выработки, которые были обязательны для всех. Как худшие, так и лучшие показатели труда не приветствовались, в том числе самими работниками. Да и не было резона работать хуже или лучше других. За худшие показатели, как правило, если не наказывали, то резко публично критиковали и высмеивали, а за лучшие результаты оплата была обычно такая же, как у других. Поэтому лучшие индивидуальные показатели воспринимались негативно самими работниками коллектива (это вынуждало подтягиваться всех и могло повлечь увеличение норм и нормативов выработки) при неизменности оплаты (при повышении норм оплата, как правило, оставалась прежней). Улучшение качественных и количественных показателей труда обычно не приводило к росту размеров материального стимулирования.

В 50–60-е годы административный диктат в деревне несколько стал ослабевать. Появились признаки добровольности трудовых починов, соревновательности за лучшие результаты, роста оплаты за выдающиеся итоги.

Результаты хорошего и производительного труда могли показывать целые трудовые коллективы и производственные подразделения, но это происходило нечасто. Административная система не давала необходимой степени свободы. В большинстве случаев трудовые коллективы и индивидуальные работники старались придерживаться усредненных норм.

Помню, что уже даже в конце 70-х годов мне, как молодому специалисту – выпускнику экономического факультета Белорусской сельскохозяйственной академии, после трудоустройства в колхозе главным экономистом, неоднократно председатель давал поручения по пересмотру норм на различные виды труда и производственных процессов, как правило, в сторону повышения. Если случалось так, что колхозники на каких-то работах существенно перевыполняли нормы, то эти нормы следовало увеличить, естественно, без повышения оплаты. Органы управления строго следили за тем, чтобы не было существенного роста оплаты труда, чтобы фонд матери-

ального стимулирования (оплаты) и индивидуальные заработки работников не превышали установленных размеров. Для этого чаще всего увеличивали нормы выработки, чтобы колхозники и рабочие совхозов не могли их превзойти, в некоторых случаях уменьшались расценки, если нормы выработки не представлялось возможным поднять.

Все работы имели свои расценки, которые соответствовали ставкам оплаты. Например, еще в 70-х годах согласно действовавшему в то время Положению об оплате труда среднемесячные заработки колхозников могли составлять – до 40 руб. в месяц в худших хозяйствах, до 60 руб. – в средних и до 70 руб. в месяц – в лучших. Большинство хозяйств, конечно, имели среднюю и ниже средней оплату. Реальные заработки колхозников, особенно занятых на так называемых конно-ручных работах, были еще меньше. Так, среднестатистический колхозник при ежедневном выходе на полевые работы в то время мог принести домой часто не более 25–30 руб., а на штатных работах (в основном – работы на животноводческих фермах) – от 40 до 60 руб.

Однако это примеры уже из того периода колхозной жизни, когда было принято решение перевести колхозы с натуральной на денежную оплату труда и установить гарантированную ежемесячную оплату на уровне усредненного минимума. Это имело место уже после известного Мартовского Пленума ЦК КПСС (1965 г.). А до этого о денежной оплате, тем более гарантированной, не могло быть и речи.

Колхозники не имели даже общегражданских паспортов для удостоверения личности, идентифицирующих их как граждан страны. Не могли без согласия руководства и вышестоящих властей сменить место жительства, оставить работу в колхозе. Не являлись членами профсоюза. Положение колхозников было близко к крепостному праву, а учитывая еще безальтернативные условия каждодневного беспросветного труда, – это напоминало во многом еще и рабскую систему. Вырваться из этой системы было непросто. Требовалась не только хорошая репутация (отсутствие претензий по работе в общественном производстве), веские аргументы (например, для продолжения учебы), но и согласие местных властей.

Люди пытались всячески выпутаться из этих условий. Предпринимались всевозможные уловки, чтобы уехать из деревни. Молодые колхозники использовали различные предлоги, например, вербовки на ударные стройки и на промышленные предприятия.

Родители стремились вытолкать своих детей из родного гнезда, отправить в город. Город стал спасением от беспросветной колхозной жизни. Уехать в город становилось престижным. В деревне оставались в основном безнадежные и бесперспективные. Но, конечно, вынужденные сельские мигранты, или так называемые новые горожане, не могли окончательно порвать с деревней. Многие из них возвращались в деревню на выходные, в отпуска, оказывали родственникам помощь в выполнении различных сельскохозяйственных работ. И, конечно, снабжались продовольствием из деревни. Часто родители специально производили и заготавливали продукцию, делали денежные сбережения, чтобы помочь детям в городах.

Деревня стремительно деградировала. Покидали деревню в основном лучшие, сильные, молодые. Те, кто не мог смириться с беспросветной судьбой. Миграция приобретала массовый характер. Оставаться могли престарелые, неспособные и связанные с деревней другими непреодолимыми обстоятельствами. Села пустели и исчезали. За несколько десятилетий устойчивой миграции многих и многих деревень теперь просто не стало, а некогда бурлящие полноценной жизнью поселения превратились в неприглядные.

О сельской жизни сложилось устойчивое мнение как о беспросветной. Люди бежали из деревни в надежде на лучшую судьбу. Соглашались на любую работу в городе. Городская жизнь имела явные преимущества: нормированный рабочий день, гарантированная более высокая оплата труда, доступность социальных благ.

Однако впоследствии это стало очередной драмой: миграция крестьянской молодежи в городе приобрела массовый характер и стала создавать немалую социальную напряженность. Жить выходцам из села приходилось на частных квартирах и в рабочих общежитиях. Получение своей небольшой отдельной квартиры в городе было огромным благом и достижением. Многие стремились к этому не один десяток лет. Однако часто проработав длительные годы в городе, люди так и не смогли создать для себя ни приемлемых жилищных условий, ни даже семей. Метались от города к деревне, и, живя в городе, оставались крестьянами. Жаль, что и эта проблема остается вне поля зрения отечественных исследователей и литераторов. Ведь проблема – чрезвычайной важности, при ее объективном изучении можно было бы также сде-

лать крупные научные выводы для избежания массовой ломки человеческих судеб.

Пресловутая уравниловка в труде и оплате и административный диктат подрывали сельское хозяйство, не позволяли нормально жить людям и устойчиво развиваться производству с учетом местных особенностей. Уравниловка сводила на нет стремление лучше работать и больше зарабатывать. Продолжительное время нельзя было иметь отличия даже в образе жизни, условиях жизни, организации личного подворья. Все отличия в сторону улучшения материальных благ расценивались как пережитки прошлого, которые не способствуют строительству светлого будущего – коммунизма. Эти качества культивировались с юных лет. За всем этим ревностно следила Коммунистическая партия.

Поэтому, забегая вперед, можно с убеждением сказать, что уравниловка и бездумный диктат без преувеличения погубили прежнюю систему власти.

Деревня ломалась на глазах, менялись ценности и целевые установки. Вместо стремления к богатству и зажиточности начинали преобладать поведенческие черты, ориентированные на пролетарское состояние. Люди стали жить одним днем. Пролетарское происхождение и бедность принимались основными критериями поощрения людей и выдвижения на различные руководящие и служебные должности. Именно такие руководители и служащие затем активно проводили свои идеи в жизнь.

В условиях, когда порицалось желание больше зарабатывать, лучше жить, когда главенствовала уравниловка во всех сферах жизни и труда, населению ничего не оставалось как в свою очередь игнорировать эти директивные установки. Люди становились инертными по отношению к общественному труду, теряли интерес к результатам производства, стремились замкнуться в своих минимальных потребностях. Быстро получали распространение антисоциальные факты поведения сельских жителей – желание получить незаработанное, попытки присвоить общественное, украсть, тяга к безделью, лодырничеству, пьянству и др. Асоциальное поведение приобретало массовое явление.

Все это вполне объяснимо. Когда нет условий и пропадает интерес производительно и эффективно трудиться, а также исчезает воз-

возможность больше заработать своим трудом, тогда начинают брать верх иждивение, безразличие, безответственность и стремление побольше урвать за счет других, или же жить, довольствуясь самым минимумом средств. Прервав эволюцию развития, в основе чего было стремление больше работать и больше заработать, общество встало на путь искаженных представлений о смысле жизни. Крестьянство менялось на глазах. Имуущество, богатство, собственность переставали быть целями. Некогда величайшая забота о земле, как о высшей ценности, переходила в безразличие. Путь революционных перемен в экономике приводил к искажению приоритетов общества. Одна его часть стремилась жить за счет других, другая – инертно созерцала происходящее.

Таким образом, о предпринимательстве, бизнесе, умении торговать и продавать, о накоплении и росте индивидуального благосостояния людей, с завершением процесса коллективизации в стране перестали говорить вообще. Все это стало толковаться не только как пережиток прошлого, но и как явная угроза идеям социализма. От таких явлений решительно избавлялись.

Поэтому эпоху коллективизации можно напрямую связывать с ликвидацией в деревне ростков рынка, которые имели место в годы НЭПа. В это время окончательно уничтожены были все экономические условия развития не только частной, но и индивидуальной инициативы и предпринимательства. Зажиточность, благосостояние стали порицаться как худшее проявление человека. На многие годы деревня оказалась обезличенной: не стало очевидных собственников и владельцев произведенной продукции и созданного имущества. Все стало всеобщим, коллективным и ничейным, к которому можно относиться безразлично.

Вот откуда следует считать начало попытки уничтожения врожденных человеческих свойств, таких как собственность и накопление, а также начало замены их формированием новой личности – советский человек, для которой были бы чужды личное обогащение и стремление к наращиванию персонального капитала. Вот где ответ на вопрос: почему сейчас в сельском хозяйстве нет настоящих предпринимателей и очень слабое стремление к частному бизнесу и капиталу. Все это было вырублено из практики хозяйственной жизни еще в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого столетия (уклад

вместе с его носителями – нэпманами) и почти три последующих поколения людей воспитывалось уже на иных ценностях, противоречащих естеству человека и здравому смыслу. Однако, несмотря на такую государственную политику, бедное и обездоленное крестьянство не давало возможности быстрому укреплению экономики самого государства. Это наглядно подтверждает известную истину, что при бедном крестьянстве не может быть богатой страны. И невзирая на то, что колхозы и совхозы практически всю произведенную продукцию сдавали государству, в стране постоянно ощущался дефицит продовольствия. Не смогло исправить положение даже принятие Продовольственной программы в 1982 г. Административные меры, которые были заложены в программу, не срабатывали.

Властные органы практически не осознавали, что при подрыве основ производительного крестьянского труда, предпринимательства, самостоятельности и ответственности работников и замене их системой всеобщего государственного администрирования исчезают не только перспективы устойчивого развития отрасли сельского хозяйства (она становится искусственным и нежизнеспособным образованием, лишенным механизмов саморегулирования), но и гарантированные перспективы стабильного функционирования самого государства. Что в конце концов и произошло с казалось бы мощным государством – Советским Союзом. Огромная страна, имеющая мощнейший производственный потенциал, стала проигрывать в конкуренции, слабеть. Быстро стали нарастать непреодолимые противоречия в экономике, вызвавшие перевес центробежных сил. В дополнение ко всему, в аграрной стране невероятно ухудшилось продовольственное снабжение, сельскохозяйственное производство стало убыточным и невыгодным, в итоге сельские жители в большинстве поддержали необходимость новых реформ, не ведая, что они могут принести.

Социальное поведение крестьянства, как и любой другой общности людей, вполне прогнозируемо, его можно просчитать намного вперед (что будет с экономикой и страной), если сделать объективный анализ существующей действительности, и на этой основе – реальные выводы состояния отрасли сельского хозяйства и ее возможных перспектив. Но общество и власть к этому должны быть готовы, должны не бояться правдивой действительности, а воспри-

нимать ее реально, как есть, вместо того, чтобы заниматься приукрашиванием обстановки и рисовать радужные сценарии. Но надо знать, что объективные оценки всегда неудобны для власти.

Разрушать крестьянский уклад, делать крестьян во всем зависимыми от государства, лишать их возможности самоорганизации и самохозяйствования, при этом изымать весь произведенный продукт и не позволять им права создавать и воспроизводить индивидуальную собственность – это рубить сук, на котором сидишь. Сельское хозяйство – это основа основ экономики, оно создает продовольственное благополучие и обеспечивает первейшие человеческие потребности в пище. Поэтому к любым переменам в сельском хозяйстве надо относиться с чрезвычайной осторожностью (чтобы не навредить), оно должно иметь реальный, а не мнимый приоритет в развитии по сравнению со всеми другими отраслями и сферами экономики.

В конце 20-х – начале 30-х годов была заложена, пожалуй, самая неудачная модель организации сельского хозяйства на многие годы, где крестьяне лишались всего – собственности, имущества, возможности зарабатывать и накапливать материальные блага, вести самостоятельное товарное хозяйство, заниматься рыночной торговлей, распоряжаться финансовыми результатами, то есть основополагающих перспектив устойчивого развития. Все эти функции одномоментно присвоило себе государство, которое стало диктовать крестьянам свои условия производства и забирать произведенный продукт. Крестьяне превратились в неимущих и бесправных исполнителей. Государство стало безраздельно командовать сельским хозяйством (со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями).

Наряду с тем, что колхозно-совхозная система оторвала работников от средств производства, то есть отделила труд от капитала и проявила свою высшую неэффективность, она по самому своему определению, то есть по внутреннему, присущему ей природному генезису, не могла стимулировать поддержание производительного, высококачественного и предприимчивого труда. Дело в том, что коллективная и общественная организация труда в своей основе не нацеливает на рост индивидуальных результатов, не дифференцирует исходных условий труда и его конечные показатели. При коллективном исполнении трудовых операций, функций, работ объективно невозможно добиться, чтобы отдельные работники показывали на-

много лучшие результаты (даже если они имеют для этого благоприятные возможности и способности), тогда как другие имеют худшие итоги. Коллективный труд в обязательном порядке сдерживает предприимчивых и инициативных работников, вынуждает их трудиться на уровне усредненных результатов, которые показывают работники со средними способностями. На это направлены все возможные системы оплаты и стимулирования труда в колхозах и совхозах. Производительно и эффективно, с полной отдачей сил (в соответствии с возможностями, навыками и квалификацией) можно трудиться в основном при индивидуальной, частной, реже – мелкогрупповой организации труда и производства. Вот почему в самой колхозно-совхозной системе изначально были заложены механизмы сдерживания, незаинтересованности и безответственности. Колхозы и совхозы стали неэффективными в момент их создания, такими же неэффективными в своей массе они оставались и на протяжении всей истории их существования.

Но нельзя сказать, что в огромной массе колхозов и совхозов не было эффективных, сильных и высокорезультативных. Конечно, были. Но, как показывает системный анализ так называемых колхозно-совхозных маяков, их выдающихся успехов – это, как правило, успехи их организаторов и руководителей. Обычно это хорошо подобранный состав специалистов во главе с талантливым руководителем-организатором. Таких талантливых председателей колхозов и директоров совхозов совсем немного, вот почему опыт данных хозяйств почти нельзя было передать или перенять. Повсюду недоставало грамотных, дельных и толковых руководителей, которые могли бы умело организовать и вести производство. Именно благодаря таким талантам некоторые колхозы и совхозы смогли создать видимое благополучие. Справедливость сказанного подтверждает тот факт, что с уходом талантливого руководителя хозяйство обычно деградировало. В этом также доказательство отсутствия в колхозно-совхозной системе действенных инструментов саморегулирования и самонастраивания производства в несвязи с субъективными факторами. Поэтому получалось так: сколько существовали колхозы и совхозы – столько и проводилось их организационное совершенствование, но оптимальной организационной структуры так и не было найдено.

Другим определяющим фактором благополучия некоторых колхозов было наличие более высокого ресурсного потенциала – более высокого уровня плодородия земель, обеспеченности основными и оборотными фондами, но не исходное состояние труда. Конечно, результативность труда в передовых хозяйствах была намного выше, но благодаря в первую очередь лучшим факторам производства, а не желанию колхозников трудиться не на себя. Известно, что на богатых землях традиционно были и богатые крестьяне.

Со времени образования колхозно-совхозной системы началась эпоха административных экспериментов в отношении сельского хозяйства.

За период их существования в централизованном порядке предпринимались самые разнообразные решения и многовариантные меры по их исполнению. Понимая, что колхозы и совхозы в своем большинстве являются малоэффективными и инертными, власти постоянно пытались найти более оптимальные меры по повышению результативности сельского хозяйства. Дело в том, что со времени сплошной коллективизации в стране постоянно ощущался дефицит продовольствия, колхозы и совхозы не могли в изобилии произвести все необходимые продукты. Произведенная продукция в общественном и коллективном хозяйстве сдавалась государству, она шла на покрытие потребностей городов, других отраслей народного хозяйства, поставлялась на экспорт. Крестьяне же вынуждены были поддерживать свое личное подсобное хозяйство для удовлетворения основных нужд в продовольствии.

Государство нередко изымало у колхозов и совхозов не только прибавочный продукт, но и необходимый, который требовался для ведения как расширенного воспроизводства, так и простого. То есть государство смогло решать свои экономические проблемы во многом за счет колхозов и совхозов, сельское хозяйство стало постоянным донором государства, не получая в ответ положенных ресурсов.

Поскольку государство стало забирать у сельских товаропроизводителей основные объемы сельскохозяйственной продукции, оно вынуждено было поставлять колхозам и совхозам требуемые для производства ресурсы – технику, удобрения и др. Но ответные поставки были неадекватными. Государство постоянно обделяло колхозы и совхозы, сельское хозяйство обеспечивалось (финансировалось) по остаточному принципу, то есть после того, как учитывались потребности всех других сфер и отраслей.

Такая практика имела место с самого начала – от создания колхозов и совхозов до их реорганизации в ходе последней экономической реформы в 90-х годах. Два характерных примера – из начального и последнего периодов. Так, за счет изъятия продукции у колхозов и совхозов в 30-х годах были созданы машинно-тракторные станции (МТС), которые оказывали хозяйствам платные услуги в выполнении различных полевых работ. Затем, когда колхозы и совхозы несколько экономически окрепли, эта же техника из МТС была им снова же продана. Или новейший пример. В 90-х годах истекшего века, во время последней реформы, вызвавшей всеобщий экономический кризис, продукция сельского хозяйства шла в счет продажи государству, но расчеты с сельскохозяйственными предприятиями задерживались по несколько месяцев. Причем, цены на сельскохозяйственную продукцию были минимальными, а на ресурсы промышленности (технику, удобрение, энергоносители и др.) росли галопирующими темпами. В итоге непаритет межотраслевого товарообмена не в пользу сельского хозяйства составлял сотни и тысячи раз. Из сельского хозяйства быстро вымывались вновь созданные стоимости. Молодая республика на первых порах существовала за счет изъятия у крестьян. Производственный потенциал агропромышленных предприятий резко деградировал.

Можно привести много аналогичных примеров за время существования административной системы. Вообще, надо признать, что весь период колхозно-совхозного производства – это сплошные административные эксперименты: объединения, разделения, укрупнения и др.

Достаточно перечислить наиболее характерные из них: это – создание и реорганизация МТС в 30–40-х годах, укрупнение колхозов и совхозов в довоенное время, формирование межхозяйственных объединений в 50–70-х годах, образование районных агропромышленных объединений (РАПО) в 70-х годах, реорганизация Министерства сельского хозяйства в Госагропром, принятие Продовольственной программы в начале 80-х годов с соответствующим совершенствованием структуры АПК, строительство крупных животноводческих комплексов с учетом создания соответствующих объединений и сырьевых зон, реорганизация отношений собственности в начале 90-х годов, реорганизация колхозов и совхозов в структуры рыночного типа в 90-х годах истекшего столетия и в первые годы нового века и др.

Всего, таким образом, за период колхозно-совхозного строительства было проведено более 30 больших и малых реформ сельского хозяйства. Все они, как правило, были основаны на критике недостатков предыдущего периода и на обещаниях эффективности нового. Однако действительных заметных сдвигов в результативности, как потом выяснялось, не приносили ни те, ни другие.

Особый удар по деревне нанесла непродуманная политика дифференциации сельских поселений на перспективные и бесперспективные, которая имела место в стране в 70-е годы. Это вызвало новую волну миграции сельского населения из деревни. Люди, не видя перспектив для себя и прежде всего для своих детей в малых и отдаленных деревнях, быстро покидали насиженные места и устремлялись в крупные поселения. Многие такие бесперспективные села исчезали буквально за непродолжительное время как в результате целенаправленного выселения, так и стихийно. Последствия этой губительной директивы ощущаются до сих пор. Деревня потеряла значительную часть трудового потенциала, не стало многих тысяч самих деревень.

Трудовой и кадровый потенциал села за годы колхозно-совхозного строительства претерпел коренные перемены. Статус и состав работников стал совершенно иным. Бывшие крестьяне-собственники превратились в обезличенных наемных работников, лишенных возможности иметь и накапливать частную персонифицированную собственность. Несмотря на законодательную возможность участвовать в управлении созданными колхозами и совхозами, колхозники и рабочие совхозов были фактически отстранены от принятия организационно-управленческих решений, их удел остался неизменным – исполнять вышестоящие директивные указания. Ни о каком индивидуальном или частном предпринимательстве не могло быть и речи. Это в действительности стало преследоваться по закону. Приоритет получил обезличенный коллективный труд. Средства производства по сути стали ничейными, коллективная и общественная собственность не предполагали персонифицированного владения и распоряжения.

В результате за ряд десятилетий колхозно-совхозной системы стали быстро исчезать и исчезли предприимчивые, дельные и инициативные кадры, отличающиеся повышенной производительностью труда, просто отпала в них потребность, все заменила коллективная организация.

Колхозникам и рабочим совхозов доводились задания сверху, устанавливались нормы выработки и объемы обязательного производства. Руководители и специалисты также стали повсеместно назначаться согласно действующему управленческому регламенту, на основании которого разрабатывались четкие должностные инструкции, не дающие права на нерегламентированную экономическую свободу.

Все это вместе стало основной причиной формального отношения к труду, безразличия к его результатам и безответственности по отношению к общественному производству. Тонкости и особенности ведения сельского хозяйства с его местной, региональной или зональной спецификой перестали быть в основе эффективной организации сельскохозяйственных работ, они подменены стандартизированными и усредненными требованиями по ведению производства, которые устанавливались сверху.

В то же время административные директивы и требования, несмотря на видимую детерминированность, по своей сути оказывались неопределенными и малопредсказуемыми, а отсюда и бесконечными. Они были нацелены казалось бы на постоянное совершенствование трудовых и производственных отношений, но фактически вносили явные противоречия в процесс производства (директивы находились в постоянном несоответствии с природными и ресурсными возможностями производства). Так, директивы в сфере сельского хозяйства не только не способствовали фактическому росту эффективности хозяйственной деятельности, но в немалой степени наносили вред производству и вызывали прямые потери (правда, об этом говорить было не принято). Причем, административные директивы были абсолютно непредвиденными. Что нового придумает административная система и какие директивы предпримет – предсказать было трудно. Это целый поток быстро рождаемых и также быстро уходящих импровизаций, оценить и прогнозировать которые было невозможно. Для сравнения гораздо легче прогнозировать изменение рыночных отношений, поскольку они основаны на экономической инструментари, чем цели и последствия административных директив, так как они исходят из абстрактных умозаключений отдельных вышестоящих управленцев, оторванных от производства.

К чему обо всем этом говорится? Прежде всего, к тому, чтобы объективно оценить этот сложнейший по драматичности период су-

ществования отечественного сельского хозяйства и отдать должное крестьянству, которое в колоссальной мере пострадало в период крупного колхозно-совхозного строительства. Поскольку реальных публикаций на эту тему, которые содержали бы взвешенные оценки до настоящего времени, к сожалению, весьма мало.

Кроме всего, для того, чтобы понять, почему в настоящее время отсутствует требуемая прослойка предпринимателей, так необходимых сейчас для подъема эффективности аграрной экономики, которую легко оказалось ликвидировать, но так трудно сформировать и без которой не может быть успешного развития и становления конкурентоспособного АПК. Частную собственность и предпринимательство вытравили всеми возможными способами на протяжении ряда десятилетий, так что и теперь отношение к ним весьма настороженное.

Однако жизнь не стоит на месте и часто она неподвластна административным установкам.

Как бы продолжительно ни игнорировали отношения частной и персонифицированной собственности и как бы долго ни нивелировали частнособственнические свойства человека, основанные на стремлении к накоплению имущества, эти качества заложены самой природой. Человек рождается собственником, эти особенности заданы генетически и выправить их невозможно, их можно лишь приглушить на определенное время. При благоприятных условиях они быстро проявляют свою суть. Поэтому есть полная уверенность в том, что с развитием рыночных отношений, совершенствованием правовых отношений, укреплением экономических свобод в стране сформируется необходимая и достаточная прослойка дельных и предприимчивых кадров в системе АПК, которые будут иметь прямую мотивацию к высокопроизводительному и эффективному предпринимательскому труду.

Признание государственной независимости современной Беларуси, а также суверенного права национального самоопределения ее народа стало переломным моментом становления новой системы экономических и производственных отношений. С начала 90-х годов истекшего столетия до настоящего времени Беларусь выстраивает собственную систему организации, управления, экономики, производства, права, в том числе в сфере АПК.

Однако этот период также нельзя назвать однозначным. В самом начале 90-х годов с декларированием свободы рыночных отно-

шений уже в независимой Беларуси опять в известной мере возобладали деструктивные силы, которые навязывали идею революционной экономической реформы, под которой понимали ликвидацию ранее созданных огромными усилиями крупных сельскохозяйственных предприятий и переход на сплошную фермеризацию. В итоге попытки внедрить элементы этой реформы (такие как разделение коллективного и общественного имущества, приватизация средств производства и земли без соответствующего материально-технического обеспечения и без наличия специальной категории людей и грамотных предпринимателей) вызвали очередное масштабное падение агропромышленного производства и быстрое разрушение накопленного за многие годы производственного потенциала АПК.

Дело в том, что появившиеся новореформаторы, руководствуясь якобы благими пожеланиями быстрого процветания независимой Беларуси, абсолютно не знали и не учитывали особенностей сельскохозяйственного уклада. Ведь за долгие годы функционирования колхозов и совхозов они сформировались уже не только как крупнотоварные производственные единицы и место приложения труда для сельского населения, но и как образ жизни людей. Крупные предприятия стали по сути центрами организации всей сельской жизни – производственной, трудовой, культурной, социальной и т.п. Сельские жители многие годы всю свою сознательную жизнь связывали с колхозно-совхозной деятельностью. Колхозы и совхозы взяли на себя многие функции государства по социальной поддержке местных жителей – от рождения до старости. Они стали основным источником не только денежных доходов сельских жителей, но и обеспечения всеми другими материальными ресурсами – кормами, молодняком животных, техникой и т. п.

Надо отдать должное, что к началу новейшей реформы колхозы и совхозы приобрели достаточную устойчивость. Но даже не это главное. Важно то, что они стали по сути неотъемлемой ячейкой государственного устройства. Разрушить их – это все опять начинать с нуля. При их исчезновении выпадает целое звено государственного строительства, которое выполняет важные экономические и социальные функции, и которое невозможно в срочном порядке заменить другим органом. Например, местные властные структуры в деревне (сельские, поселковые советы и др.) не в состоянии

пока взять на себя функции крупных и технически оснащенных крупнотоварных предприятий. Они гораздо слабее коллективных и государственных хозяйств по возможности оказания работникам материальной помощи. Поэтому люди по всем вопросам в первую очередь обращаются в свои предприятия, чем в местные советы.

Кроме того, за многие десятилетия развития АПК в Беларуси стали преобладать крупные и крупнейшие технологии, системы машин, объемы производства и сбыта продукции. Все это уже не под силу индивидуальным разрозненным крестьянским и фермерским хозяйствам. Динамика наглядно свидетельствует о тенденциях укрупнения сельскохозяйственных предприятий в мире. Поэтому идти путем разукрупнения уже созданных (пусть и с огромными жертвами и потерями) колхозов и совхозов на начальном этапе реформы было по меньшей мере недальновидно. Подобные попытки прямо вели к разрушению всего сельского хозяйства.

Справедливой оказалась извечная крестьянская мудрость: создавая не разрушай. Нельзя уничтожить то, что сделано несколькими поколениями и с таким трудом. Всегда лучше приспособить, адаптировать к новым условиям уже созданное, чем начинать с нуля.

Да, колхозно-совхозная система имеет серьезные недостатки, об этом уже говорилось. Но ее достоинства в новых условиях хозяйствования в том, что она смогла сформировать крупное товарное производство, основанное на интенсивных технологиях и крупной системе машин. Отказываться от такой системы сейчас, когда все мировое сельское хозяйство активно использует механизмы продуктовой кооперации и интеграции, было бы непростительно. Более того, многие попытки создания мелких крестьянско-фермерских хозяйств в новых условиях еще не позволяют обеспечить устойчивое развитие национального сельского хозяйства – отсутствуют кадры, материальная база, экономические условия, нет достаточных объемов производства.

Тем не менее, с 1991 по 1995 г. сельское хозяйство Беларуси в результате реализации деструктивных идей стало быстро приходить в упадок. За 90-е годы аграрной реформы объемы производства в общественном секторе упали примерно в два раза. Сельские жители, а нередко и городские, в очередной раз стали быстро реанимировать подсобное хозяйство для получения продовольственных ресурсов для личного потребления.

Лишь во второй половине 90-х годов прошедшего века возобладал здравый смысл, в результате чего удалось приостановить разрушительные тенденции и создать гарантированные условия для устойчивого развития крупнотоварного агропромышленного производства. Однако к этому времени произошла потеря многих производственных ресурсов. Пришлось срочно восстанавливать роль государства в материально-техническом снабжении АПК.

Надо особо подчеркнуть, что сохранение и развитие крупнотоварного производства стало, пожалуй, ключевым моментом в организации национального АПК в новейшей истории страны.

Беларусь не пошла на поводу идей и советов многих новореформаторов по ликвидации национального крупнотоварного сельского хозяйства. Это помогло спасти не только отечественный АПК, но и страну, учитывая, что сельское хозяйство в Беларуси – основа не только продовольственной, но и экономической безопасности государства.

На восстановление объемов падения агропромышленного потенциала и производства, которое произошло в первой половине 90-х годов, потребовалось целое последующее десятилетие. Только к середине нынешнего десятилетия нового века это удалось сделать и то не во всех сферах ресурсного обеспечения.

Наряду с этим, все бывшие колхозы и совхозы за этот период были реформированы в разнообразные структуры рыночного типа – акционерные общества, кооперативы и т.п. То есть абсолютное большинство хозяйств по сути приобрело юридический статус негосударственных предприятий. Но важно то, что удалось сохранить модель крупнотоварного производства. Более того, в последние годы многие такие предприятия встали на путь дальнейшей концентрации и укрупнения производства в связи с переходом на современные инновационные технологии и внедрением крупнейших комплексов машин.

В 2005 г. принята масштабная Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы, реализация которой окончательно предотвратила падение агропромышленного производства и создала комплекс необходимых социальных и экономических условий по устойчивому функционированию национального АПК в новейшее время. Кстати, она уже четвертая по счету в суверенной Беларуси, но ее цель и задачи трудно с чем-нибудь сравнивать. Никогда ранее на территории республики ничего подобного не делалось.

Программа явилась комплексной не только по своей методологии, но и по практической реализации. Она охватила без исключения все сферы и отрасли АПК и, в первую очередь, различные направления социального обеспечения и обслуживания сельского населения, всю социальную инфраструктуру села.

Государственная программа возрождения и развития села стала знаковым событием в новейшей истории Беларуси, она вернула национальное сельское хозяйство на устойчивый, позитивный путь, устранила глубинные межотраслевые противоречия и создала механизмы для устойчивого расширенного воспроизводства отечественного агропромышленного производства.

По общей оценке ученых и практиков, если бы в стране ничего не было сделано другого, а только в полной мере реализована сполна Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы, то только это уже позволило бы сказать о крупном созидательном результате данного периода.

Полагаю, что настоящую Программу еще предстоит по достоинству оценить, ныне она пока несколько недооценивается. Но это и понятно. Все великое познается в сравнении и по прошествии определенного времени. Бесспорно одно, в стране формируется принципиально новое сельское хозяйство. Его новизна – в инновационных системах машин и интенсивных технологиях, в стабильности и конкурентоспособности производства, в привлекательности современных сельских поселений – агрогородков.

Предстоит лишь сделать его эффективным и устойчивым к любым неблагоприятным условиям – рыночным, природным и др. Важно создать механизмы для укрепления экономической состоятельности предприятий и прежде всего для перехода на принципы самокупаемости и самофинансирования. Следует выработать правовые гарантии работы предприятий различных типов на условиях самоуправления, самоуправления, самоопределения и саморазвития. Основой всего этого являются укрепление и расширение негосударственной сферы. То есть крупные товарные сельскохозяйственные предприятия в своем большинстве должны укрепить негосударственные формы, преобразоваться в мощные частнособственнические структуры, действующие по выработанным государством законодательным и правовым нормам. Во главе таких предприятий долж-

ны стоять грамотные, инициативные и смелые руководители и специалисты.

Необходимо, наконец, создать благоприятные гарантии для становления и укрепления отечественного агробизнеса и предпринимательства, формирования сильного ядра национальных высокопрофессиональных кадров – руководителей, менеджеров, управляющих, предпринимателей, собственников. Такое ядро, как известно, в любой стране – это золотой фонд нации, который обеспечивает устойчивый прогресс экономики. Ядро это жизненно необходимо и Беларуси.

Предстоит постепенно уйти от мощного государственного патернализма АПК и перевести все категории предприятий на принципы самокупаемости и самофинансирования. Надо научить товаропроизводителей жить по средствам, зарабатывать на ведении хозяйства своим трудом. Нельзя бесконечно проявлять мелочную опеку предприятий, нельзя в административном порядке сделать трудовые коллективы эффективными и преуспевающими. Важно осознать, что только самозанятость и самохозяйствование способны обеспечить устойчивое воспроизводство. Лишь неограниченный труд и свобода предпринимательства в рамках цивилизованного права являются базовыми ценностями в ходе поиска механизмов стабилизации экономики предприятий и роста результативности хозяйственной деятельности трудовых коллективов в аграрном комплексе.

Важно навсегда уйти от возможности революционных потрясений в АПК. Любая революция – это разрушение, ликвидация традиционного, нажитого. В сельском хозяйстве наиболее целесообразна постепенная, взвешенная и продуманная эволюция развития, построенная на учете исторических достижений и лучших, проверенных жизнью, инновационных результатов, имеющих неоспоримые перспективы. Беларуси необходимо устойчивое поступательное движение, сопровождающееся ростом экономики и эффективности, а не бесконечные реорганизации и переходные состояния.

III часть. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ ПЕРСПЕКТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Прежде всего следует сказать, что в настоящее время в стране формируется принципиально новое сельское хозяйство, в основу которого закладываются высокоэффективные технологии на базе новейшей системы машин, а также крупные технико-технологические комплексы, обеспечивающие заданные количественные и качественные параметры развития отраслей земледелия и животноводства.

Взят курс на формирование преимущественно крупного и крупнейшего товарного производства, замыкающего цепь "поле – ферма – переработка – рынок", где не только производство сырья задает качество конечной продукции (как это было традиционно), а уже рыночный потребительский спрос. В частности, технологические критерии новейших машин в сфере производства и переработки устанавливают своего рода нормативы и даже стандарты к исходному сельскохозяйственному сырью. Достаточно сказать, что в сфере сельского хозяйства в настоящее время активно идут процессы объединения, поглощения, слияния, присоединения и др. Вместо более чем 3000 колхозов и совхозов, которые существовали во времена Советского Союза, теперь в республике имеется вдвое меньше крупных кооперативов и акционерных обществ, которые дают почти 97 % конечной товарной продукции.

Поставлена и реализуется задача перехода на инновационное производство как в сфере сельского хозяйства, так и в сфере переработки продукции. Для этого, как уже было сказано, активно внедряются новейшие технические и технологические комплексы, наукоемкие типы производства, высокопродуктивные сорта растений и породы животных. Правда, пока это только начало, своеобразные точки развития. Но в течение ближайших лет страна должна выйти в сфере АПК на производство инновационной продукции на инновационном оборудовании на уровень не менее 50 (сейчас такое производство составляет около 10 %).

Осуществляется быстрый переход на стандартизированное производство продукции и готового продовольствия с учетом требований мирового рынка и прежде всего нормативов Всемирной торговой организации, Европейского союза и Международной продовольственной организации (ФАО). Таким образом, практически все перерабатывающие предприятия перестраивают свое производство под условия признанной в мире системы качества и безопасности, известной более как серия ИСО.

Происходит создание продуктовых компаний по замкнутому циклу – от получения сельскохозяйственного сырья до сбыта готового и качественного конкурентного продовольствия под потребительский спрос. Такие компании получают различные юридические формы, являются как специализированными, так и многоотраслевыми, местными и межрегиональными, охватывающими как сферу сельского хозяйства, так и диверсифицированными нацеленными как на внутренние поставки, так и на внешний сбыт.

Идет переориентация всех подразделений АПК с производственных и количественных показателей на преимущественно экономические и качественные. Теперь практически не стоит задача произвести продукцию и поставить ее на рынок. Страна полностью обеспечивает свою продовольственную безопасность и независимость за счет внутреннего производства и ежегодно расширяет объемы экспорта продовольствия. Главными требованиями стали – выгодно продать, обеспечить потребности, заработать деньги, увеличить выручку, создать необходимые объемы прибыли для ведения производства на принципах самокупаемости и самофинансирования. Основное внимание при этом обращается на эффективное использование ресурсов и рациональное импортозамещение.

Осуществляется комплексное развитие не только отдельных агропромышленных предприятий или крупных сельских поселений в виде агрогородков, но и сельской местности в виде территориально-пространственных комплексов, включающих производственные объекты, жилищную и социальную инфраструктуру, коммуникационные системы, пространственную сбалансированность, поддержание природно-экологического равновесия. Достаточно сказать, что современные агрогородки создаются не только как перспективные поселения для жителей данной деревни, но и строятся с учетом обо-

зримой перспективы развития местности, включают полный перечень необходимых объектов социальной сферы для обеспечения и обслуживания населения всей прилегающей территории. При этом утвержденные Правительством стандарты создания таких пространственно-территориальных комплексов выдерживаются во всех регионах страны независимо от местности.

Все эти позитивные перемены в экономике и социальной сфере способствовали тому, что в деревне стал заметно меняться менталитет населения. Исчезает растерянность и беспомощность. Появляется уверенность и основательность. Люди стали надеяться не только на себя, но и рассчитывать на помощь государства. Стал устойчиво расти уровень жизни населения, восстанавливается и укрепляется культура быта. Резко сократилось число асоциальных явлений. То есть деревня возвращается к своему традиционному укладу и формирует базу для дальнейшего экономического и культурного развития.

Перечень произошедших и происходящих перемен можно продолжать. Но не в этом суть. Главное, что в стране найдена целесообразная модель стратегического развития и эта модель подтверждается практикой.

Однако было бы преждевременно говорить, что в стране уже решены все вопросы. Конечно, это далеко не так. Решение многих проблем находится только на начальном этапе, а некоторые из них еще требуют поиска приемлемых алгоритмов. Это касается отношений собственности, бизнеса, предпринимательства, рыночного регулирования производства и др. Поэтому действующую в настоящее время модель организации АПК следует по-прежнему квалифицировать с одной стороны как переходную, а с другой – как поисковую.

Как переходная, она характеризуется тем, что в стране продолжается совершенствование производственно-экономических и правовых отношений, форм и механизмов организации и управления производством и экономикой, а также становление рыночной инфраструктуры. Как поисковая, она квалифицируется тем, что является открытой для разного рода экспериментов и инноваций. Идет непрерывный поиск более эффективных форм организации, методов хозяйствования, видов производства, способов и каналов рыночной торговли. Конечно, это не всегда хорошо, потому что нет долгосрочной устойчивости экономики, товаропроизводители не всегда знают –

какие изменения их ждут впереди. Но не так и плохо. Поскольку сам рынок – это постоянный поиск всего лучшего: форм организации и управления, отношений с партнерами, техники и технологий и т. п.

Комплексный анализ динамики аграрного производства, сделанного и упущенного, принятой стратегии и целесообразных перспектив показывает, что в стране предстоит многое сделать по адаптации национального АПК к условиям рыночной экономики, формированию стимулирующей среды для развития агробизнеса и предпринимательства, созданию механизмов работы предприятий на принципах самокупаемости и самофинансирования, а также совершенствованию централизованной государственной поддержки аграрного производства.

Беларуси важно иметь модель развития АПК не только адаптированную к условиям республики, но и интегрированную в мировую продовольственную систему. Страна имеет благоприятные возможности для быстрого наращивания качественного производства и, прежде всего, в целях увеличения конкурентоспособного экспорта. Этому в немалой степени способствует и выгодная мировая конъюнктура на продовольствие, которая складывается в последнее время.

Надо полагать, что с обострением энергетической и демографической проблемы в мире роль сельского хозяйства будет постоянно повышаться во всех странах, поскольку именно сельскохозяйственное сырье и готовое продовольствие может выступать буфером сглаживания серьезных межрегиональных, экономических и торговых отношений. Для сельского хозяйства, можно сказать, наступает "золотая эра", и этот шанс надо по возможности, максимально использовать. В частности, из сельского хозяйства во многих странах нередко изымалось стоимостей больше, чем ему возвращалось для покрытия затрат. Благо, что аграрное производство имеет расширенную природу и способно самовосстанавливаться и самовоспроизводиться за счет внутренних возможностей (конечно, для определенного предела). Это всегда спасало его в периоды массовой эксплуатации в целях покрытия потребностей других отраслей и государственной казны. Известно, что как правило крупнейшие проблемы любого государства – социальные, экономические, демографические, финансовые, продуктовые и другие во все времена решались за счет сельского хозяйства. Не исключением стал и период современного перехода к рыночной экономике в Центрально- и Восточноевропейских странах. По укрупненным подсче-

там, например, сельское хозяйство Беларуси только за период с 1991 по 2001 г. понесло потери в виде разрушения, падения и деградации производственного потенциала в эквиваленте около 50 млрд долл. Это так называемая цена последней реформы. Сейчас, конечно, все восстанавливается. В данной связи важно, чтобы аграрный комплекс действительно стал приоритетом, свободной зоной или открытым сектором для привлечений всех форм инвестиций, вложений и субвенций. Обострение мировой продовольственной проблемы, которое можно считать и началом ужесточения межстрановой политической продовольственной конъюнктуры, в процессе чего могут иметь место даже продуктовые и продовольственные войны, надо, по возможности, использовать с выгодой для отечественного сельского хозяйства. Имеются в виду благоприятные возможности для привлечения в сферу национального АПК дополнительного капитала. Настало время, и сельскому хозяйству республики могут быть возвращены прошлые долги, когда наблюдалось избыточное изъятие вновь созданных стоимостей в результате низких цен и недоплаты труда. Но не только это. Вполне возможно, что сельское хозяйство, наконец, реально будет признано одной из главных отраслей жизнеобеспечения страны, куда должны направляться государственные и негосударственные ресурсы в первоочередном порядке.

Совсем не важно, что сельское хозяйство в Беларуси, например, дает около 10 % ВВП, а в более развитых странах – еще меньше. Это не должно быть основанием пропорционального инвестирования АПК. Иначе невозможно будет преодолеть замкнутый круг. В подтверждение следует сказать, что бюджет Европейского союза почти на 50 % идет на решение аграрных вопросов, хотя сельское хозяйство формирует в этих странах в среднем менее 5 % ВВП.

Следует исходить из того, что сельское хозяйство – это центральная и главнейшая отрасль, которая создает устойчивую базу развития для многих других отраслей и в полной мере обеспечивает государственную безопасность и не только продовольственную, но и экономическую, торговую, демографическую, социальную, экологическую, культурную и т.п. Роль этой отрасли нельзя исчислять только процентами формирования ВВП или национального дохода, ее роль гораздо шире – она в основе самой государственности, то есть в самодостаточности и состоятельности государства. Без пре-

увеличения: если есть экономически развитое сельское хозяйство – то есть и сильное государство. Особенно сейчас.

Научные и эмпирические выводы убеждают, что сельское хозяйство Беларуси должно иметь выраженный интенсивный и целевой инновационный характер. Научкой выработаны нормативные критерии, приближение к которым обеспечивает ведение сельскохозяйственного производства в республике на принципах устойчивой самокупаемости и самофинансирования. Общий вывод такой: для поддержания требуемого уровня конкурентности на основе инновационности и самофинансирования, продуктивность отечественного сельскохозяйственного производства следует увеличить по сравнению с существующим уровнем примерно в 2 раза. Пока же фактические показатели работы сельского хозяйства еще далеко не позволяют вести конкурентоспособного и эффективного производства, не создают базы для инновационного развития.

Интенсификацию и инновационность обеспечивают многие факторы. Они известны. Нет нужды их повторять. Назову лишь те, которые наиболее актуальны для белорусского АПК на данном этапе и в плане построения инновационной модели организации сельского хозяйства в перспективе.

Первый. Необходимо принципиальное изменение порядка централизованного субсидирования сельского хозяйства. Известно, что в настоящее время консолидированный размер государственных и централизованных средств (включая кредитные и налоговые льготы) в аграрный комплекс страны составляет ежегодно порядка 3,5–4,0 трлн руб., или в эквиваленте до 200 долл. в расчете на 1 га сельхозугодий. Это позволяет сформировать до 30 % валовой продукции сельского хозяйства. Естественно, это немало.

Однако анализ структуры этих преференций показывает, что большая их часть не доходит до сельских товаропроизводителей или доходит опосредованным образом через целевые поставки материальных ресурсов. Основная их доля направляется на обеспечение устойчивого функционирования ресурсопроизводящих отраслей. Например, предприятиям сельхозмашиностроения, производителям минеральных удобрений, поставщикам энергетических средств и другим, и даже коммерческим банкам, например, на удешевление кредитов. Самим сельскохозяйственным товаропроизводителям на-

правляется лишь незначительная часть общей суммы централизованных предпочтений и то посредством закупочных, заготовительных, снабженческих и торгово-сбытовых организаций, которые, по сути, также являются коммерческими.

Поэтому крупные государственные инвестиции, которые выделяются якобы на АПК, на самом деле идут на поддержку всей снабженческо-обслуживающей инфраструктуры АПК, а не напрямую сельским товаропроизводителям.

Более того, та доля средств, которая все же доходит до сельскохозяйственных предприятий в виде роста цен и дотаций на компенсацию возрастающих издержек, перекрывается суммой налоговых и иных платежей, которые обязаны платить сельские товаропроизводители по действующему законодательству.

Выходит, что несмотря на все усилия государства по поддержке АПК, фактически поддерживаются сопутствующие и смежные отрасли и предприятия, а само сельское хозяйство по-прежнему работает на принципах самообеспечения. Но, несмотря на это, ресурсопоставляющие отрасли, забирая основную долю сельскохозяйственных предпочтений, далеко не учитывают потребности сельских товаропроизводителей. По-прежнему происходит быстрое удорожание материально-технических и энергетических ресурсов, удобрений, средств защиты растений и т.д., которое далеко не всегда компенсируется малоподвижными закупочными и сбытовыми ценами на сельскохозяйственную продукцию (и даже специальными для этого дотациями). Это, конечно, вызывает дальнейшее накопление всех видов долгов и неплатежей в сфере сельского хозяйства. Анализ подтверждает, что большинство этих долгов образовалось не по причине неудовлетворительной работы сельского хозяйства, как это часто представляется. Так, совокупные долги сельскохозяйственных предприятий в настоящее время приравниваются по своему объему уже к годовой сумме валовой продукции.

Смысл сформулированного нами предложения состоит в следующем. Все обеспечивающие АПК отрасли, а не только сельское хозяйство, должны работать на условиях самокупаемости. Важно для всех установить лишь целесообразные или исходные цены на продукцию и ресурсы различных товаропроизводителей и поставщиков, которые должны обеспечивать покрытие среднеотраслевых затрат. А также выработать и принять механизмы государственно-

го интервенционного регулирования цен на несельскохозяйственные товары, как это часто делается в отношении сельскохозяйственной продукции, в том числе на поддержание эквивалентности межотраслевой торговли (или так называемого межотраслевого товарообмена) и стабилизации рыночной конъюнктуры при возникновении форс-мажорных обстоятельств. На интервенционное регулирование межотраслевой торговли и рыночной конъюнктуры может идти только часть выделяемых ныне централизованных средств на развитие АПК, по нашим расчетам – до 1/3. А оставшиеся 2/3 консолидированных средств государство может направить на реализацию крупнейших стратегических проектов, таких, например, как "восстановление и расширенное воспроизводство плодородия земель", "развитие племенного дела", "реконструкция мелиоративных систем", "поддержание аграрной науки", "создание сети крупнейших перерабатывающих и торговых предприятий" и других. Такой подход позволит всем отраслям и предприятиям АПК, а не только сельскохозяйственным, работать в одинаковых условиях, на принципах зарабатываемости, избежать иждивенческого поведения, а главное – предотвратить возможность паразитирования отдельных надстроечных и обслуживающих структур на возможности присвоения централизованных ресурсов, предназначенных для АПК, и изъятия из сферы сельского хозяйства избыточных стоимостей при продаже сельским товаропроизводителям не всегда адекватных даже по качеству материально-технических и других ресурсов.

Кстати, данный подход соответствует требованиям Всемирной торговой организации, куда Беларусь намеревается вступить. Централизованные государственные субсидии будут направляться не напрямую сельским товаропроизводителям, а косвенно через реализацию крупнейших народнохозяйственных проектов, например, в области плодородия земель, поддержания экологического равновесия, науки и образования, развития социальной инфраструктуры и др. Это полностью отвечает условиям так называемой "зеленой корзины", как одного из требований полноценного членства в ВТО.

Таким образом, сельским товаропроизводителям главное сейчас – это стимулирующие производство цены на продукцию, а не дотации и льготы. Имея выгодные цены, предприятия не только будут заинтересованы в расширенном воспроизводстве, но и смогут са-

мостоятельно приобретать все необходимые для производства материально-технические ресурсы, формировать прибыль для крупных и перспективных инвестиций.

Второй. Следует активно пойти на создание в стране во всех отраслях (практически, без исключения) продуктовых компаний. Это уже делается, но недопустимо медленно. Таких компаний, как показывает изучение, в каждой отрасли должно быть совершенно немного – по одной-две. Например, в стране должна быть одна льняная компания, одна – картофельная, одна – сахарная, одна – молочная, две-три – мясных (по видам животноводства и птицеводства) и т.п. Немногочисленность компаний позволит избежать междоусобной конкуренции на внутреннем рынке и особенно на внешнем, когда разрозненные отечественные поставщики сами себе сбивают цены. Возможная же монополия продуктовых компаний, если такова будет иметь место, может быть нейтрализована механизмами государственной интервенции и антимонопольного законодательства.

Но именно при консолидации экономических интересов и ресурсов во всех отраслях в сквозном разрезе можно выдержать нарастающую конкуренцию внутри страны и при продвижении на ведущие зарубежные рынки. Другого пути у страны нет, как пойти по пути создания мощных интегрированных компаний. Обособленные и разрозненные предприятия, пусть и укрупненные, не смогут в перспективе выдержать сильную конкуренцию, поскольку не в состоянии систематически обновлять технику и технологии и соответствовать требованиям международной торговли. Сейчас на мировом рынке конкурируют уже не виды продукции, а инновационные и новейшие технологии, позволяющие получать конкурентную продукцию.

Такие компании должны замыкать по вертикали и горизонтали всю технологическую цепочку – от рыночного оптового и розничного сбыта и фирменной торговли до предприятий переработки продукции и сельскохозяйственных предприятий – производителей сырья. То есть от создания сырьевой зоны до сбыта готового и качественного продовольствия под рыночный спрос. Следовательно, они должны включать всю совокупность предприятий в разных сферах (производства сырья, переработки, транспортировки, сбыта, снабжения, торговли, финансов), которая составляет непрерывную технологическую цепочку от поля и фермы, образно говоря, до стола розничного потребителя.

Конечно, для этого требуется значительное совершенствование и дополнение действующего в республике законодательства, поскольку нынешнее право многих таких организационных структур не предусматривает. Более того, даже создающиеся сейчас на практике различные виды кооперативно-интеграционных структур, ныне действующее право пытается загнать в прокрустово ложе урезанных возможностей вместо того, чтобы совершенствовать свои механизмы. Экономика очень динамичная сфера, она требует новых возможностей и не может нормально функционировать в рамках устаревших и узких правовых норм.

Подобные продуктовые компании могут и должны действовать в виде различных правовых форм – корпораций, союзов, финансово-промышленных групп, акционерных обществ и товариществ и других, которые способны успешно позиционировать себя в условиях рынка. Это, естественно, требует соответствующих организационных, экономических и правовых схем. Но главное, аналогичные компании должны создаваться и функционировать как самодостаточные и самонастраивающиеся структурные объединения, обладающие достаточными внутренними и внешними правами и экономическими свободами и стимулами и работающие на принципах самоорганизации и самохозяйствования. Действовать они могут также на базе различных комбинаций частной и государственной собственности. Здесь не должно быть директивного администрирования. Только так они могут быть состоятельными и эффективными и иметь устойчивые перспективы развития.

Наконец, третий. Необходимы коренные меры по укреплению и расширению самостоятельности хозяйствования, а также действенные механизмы по быстрому развитию в стране негосударственного агробизнеса и предпринимательства, становлению крупной частной собственности. Это имеет принципиальное значение. Надо уходить от прямого и жесткого патернализма государства в хозяйственной сфере. Вся система производства должна строиться на экономико-правовых регуляторах, экономических стимулах и интересах. Для этого должен быть сформирован сильный состав кадров предпринимателей и менеджеров, хорошо владеющих механизмами рыночных отношений, создания и расширения частного капитала. Вот здесь, в подготовке сильных, квалифицированных и дельных организаторов и руководителей агропромышленного производства, собствен-

ников и предпринимателей, государство призвано сыграть решающую роль. Имеется в виду организация подготовки и переподготовки перспективных и профессиональных кадров, знающих все особенности эффективного хозяйствования на частной основе.

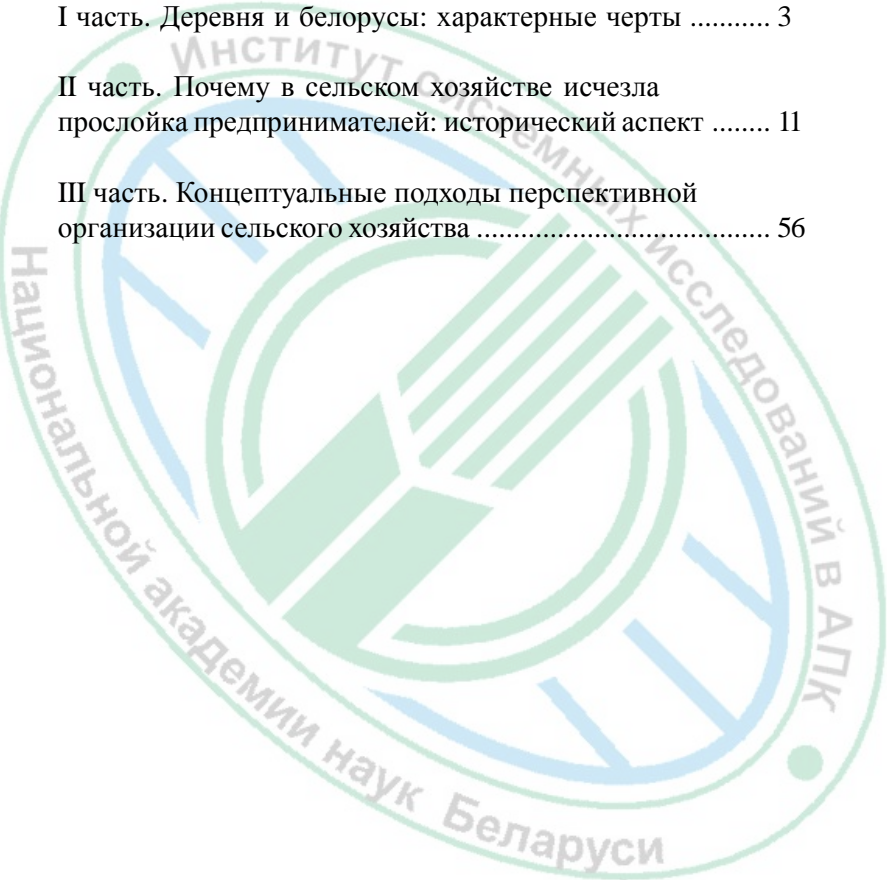
Государству нет необходимости непосредственно участвовать в процессе производства, его основные функции – определение условий и создание гарантий для эффективного производства (путем выработки специального законодательства, осуществления контрольных функций и т. п.). Сам производственный процесс – это удел товаропроизводителей, а призвание государства – установить строгий контроль объемов и качества производства, включая недопущение несанкционированного вмешательства в деятельность предприятий. Агропромышленное производство – сложный, тонкий и специфический процесс. Управлять им в централизованном порядке нельзя. Любое некомпетентное вмешательство влечет немалые экономические потери. Поэтому сельские товаропроизводители должны иметь полные и защищенные права на самостоятельное хозяйствование, самоуправление, самоорганизацию и самоопределение. Государство должно гарантировать и защищать различные виды и формы аграрного предпринимательства, становление и укрепление перспективных направлений агробизнеса, накопления, движения и использования негосударственных и смешанных видов капитала, имущества и собственности. В этом, полагаем, кроются неиспользованные резервы роста, развития, расширения и укрепления отечественного АПК на данном этапе.

Полагаем, что конкретные модели бизнеса и предпринимательства, формы негосударственного капитала, комбинации формирования частной собственности и варианты самоорганизации национального АПК – дело техники. Главное – определиться концептуально. Все остальное – следствие целенаправленной стратегии и политики. Важно знать одно – более сильного мотиватора чем частная собственность, построенная на частном интересе (индивидуальном, мелкогрупповом, акционерном, корпоративном и др.), в мире пока не существует.

Реализация названных принципиальных положений, бесспорно, позволит сформировать в стране качественно новое сельское хозяйство, которое будет обладать всеми атрибутами рыночной организации, конкурентного производства и эффективного хозяйствования и будет действовать в рамках государственных стратегических задач.

Содержание

I часть. Деревня и белорусы: характерные черты	3
II часть. Почему в сельском хозяйстве исчезла прослойка предпринимателей: исторический аспект	11
III часть. Концептуальные подходы перспективной организации сельского хозяйства	56

Научно-популярное издание

Гусаков Владимир Григорьевич

Размышления о деревне, судьбах крестьянства
и предпринимательства, перспективах развития
белорусского сельского хозяйства

Ответственный за выпуск Т.Л. Савченко

Подписано в печать 10.02.2010. Формат 60×84 1/16.

Бумага типографская. Печать ризографическая.

Усл. печ. л. 3,95. Уч.-изд. л. 4,15.

Тираж 130 экз. Заказ 3.

Издатель и полиграфическое исполнение

Государственное научное учреждение

«Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси»

ЛИ № 02330/0150376 от 09.11.2008, ЛП № 02330/0150416 от 04.09.2008.

220108, г. Минск, ул. Казинца, 103.